

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовно-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Заведующий кафедрой
кандидат юрид. наук, доцент
_____ В.И. Морозов
_____ 2021г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

КРИПТОВАЛЮТА В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН СЕРВИСОВ БАНКОВ ПРИ
СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

40.04.01 Юриспруденция

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Пушкарев Георгий
Дмитриевич

Руководитель
профессор, доктор юрид.
наук

Смахтин Евгений
Владимирович

Рецензент
начальник СЧ УМВД
России по Тюменской
области, кандидат юрид.
наук

Лящев Дмитрий
Владимирович

Тюмень
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
1.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	6
1.2. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	32
ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
2.1. КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	47
2.2. КРИПТОВАЛЮТА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	79

ВВЕДЕНИЕ

31 августа 2008 года увидела свет статья, опубликованная неизвестным, скрывающимся под псевдонимом Сатоши Накамото с названием «Биткойн: одноранговая кассовая система» (англ. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System).

На тот момент все существующие денежные системы строились на централизованных закрытых регистрах, ведением которых в масштабах всей экономики занимались либо коммерческие, либо центральные банки. Несмотря на то, что данный подход обеспечивал эффективность функционирования системы и защищенность ее участников, он имел ряд существенных недостатков.

Основные из них заключались в том, что она наделяла орган, ответственный за ведение реестра транзакций, слишком большими полномочиями и обеспечивала ему высокую прибыль, источником которой являлось плата участников транзакций за совершение операций с незнакомыми контрагентами. Иными словами, оплата комиссии являлось ничем иным как платой участников транзакций за доверие.

В свою очередь, в работе Сатоши Накамото впервые в мировой истории был подробно описан механизм работы децентрализованной системы электронных транзакций, не основанный на доверии между отправителем и получателем, названную им биткойн (от англ. “bit” – бит, единица информации, и “coin” – монета).

Предложенная система являлась первым практическим ответом на один из древнейших вопросов криптологии, известной как «задача о византийских генералах» – как обеспечить доверие между сторонами к полученной информации в ситуации, когда ни у одной из сторон нет доверия к действиям другой стороны.

Вышеуказанная система была запущена 3 января 2009 года, когда был сгенерирован первый блок и получены первые 50 биткойнов, а первый их обмен на реальный товар произошел в мае 2010 года, когда гражданин

США Ласло Ханеч в обмен на 10 000 биткоинов получил две пиццы.

Таким образом, в нынешнем году такое явление как криптовалюта, первым представителем которой является биткоин, отмечает свой 10-ти летний юбилей. Вопреки многочисленным прогнозам, криптовалюта не утратила свою актуальность.

Напротив, в связи с тем, что новое тысячелетие ознаменовало собой небывалый рост технологического прогресса, сфера блокчейн технологий и, в частности, криптовалюта, смогла не только окрепнуть, но и произвести на свет новые виды криптовалют, которые все активней используются в различных сферах хозяйственной деятельности.

Несмотря на то, что вышеуказанный срок, с учетом нынешних темпов развития технологий, является весьма существенным, специальное правовое регулирование данного криптовалюты отсутствует в российском законодательстве, а ответы на вопросы о правовой природе данного феномена, за редким исключением, в основном даются лишь в рамках научных дискуссий.

Вышеизложенное, а также тот факт, что криптовалюта все более активно используется в гражданском обороте, является наглядной иллюстрацией актуальности темы данной научной работы, написанной с целью компенсировать пробел в этой узкоспециализированной проблеме настолько, насколько позволяет это сделать формат выпускной работы.

По нашему мнению, современный этап развития уголовного законодательства напрямую связан с происходящими в мире технологическими и экономическими преобразованиями, сам факт существование которых ставит под сомнение незыблемость некоторых доктринальных положений уголовно-правовой науки, в истинности которых ранее невозможно было усомниться.

В данной работе мы можем только кратко изложить некоторые заключения, сделанные в ходе первичного исследования столь новой и столь малоизученной теме. Мы прекрасно понимаем, что коснулись нового

комплекса вопросов, затрагивающих не только сферу уголовно-правового регулирования, но также гражданского права и экономики.

В данном направлении предстоит сделать еще не мало усилий, однако учитывая, что часть идей, изложенных в настоящей работе, уже нашли свое отражение в отечественном правовом поле, имеются все основания надеется на то, что данную работу читатель найдет интересной и заслуживающей внимания.

Целью написания настоящей работы состоит в определении составов, в которых криптовалюта может выступать в качестве предмета или способа совершения преступления.

Для достижения указанной цели необходимо рассмотрение следующих промежуточных задач, последовательное решение которых предопределяет структуру настоящей работы:

- Описание технологической особенности и определение правовой природы криптовалюты;
- Анализ составов Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых криптовалюта может быть предметом преступления;
- Анализ составов Уголовного кодекса Российской Федерации на предмет возможности криптовалюты быть способом совершения преступления.

Эмпирическую базу исследования составляют положения действующего законодательства и его разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, научная и учебная профильная литература, а также отечественная и зарубежная судебная практика.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов для совершенствования уголовно-правового регулирования оборота криптовалюты, а также для решения практических вопросов

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Прежде всего, необходимо обратиться к истории происхождения данного феномена, которая начинается задолго до первой эмиссии биткоина. И прежде чем мы начнем рассматривать теоретические предпосылки возникновения криптовалюты, необходимо обратиться к принципам функционирования денежной системы.

В связи с тем, что любая попытка обсудить проблемы истории денежных систем неизменно заканчивается переключением на осуждение проблемы историчности денег, поскольку невозможно рассматривать эволюцию данного общественного явления, не упоминая о его восприятии обществом, нам хотелось бы сосредоточить внимание именно на этом аспекте, понимание которого критически необходимо для восприятия идей, которые легли в основу создания криптовалют, оставив за рамками данной работы историю возникновения и развития денежных систем [Барыгина, с. 124].

По нашему мнению, краеугольным камнем любой денежной системы, будь то денежная система Европейского союза или Российской Империи времен Петра I, является доверие. Чтобы денежная система работала, люди должны чувствовать уверенность в том, что ей будут доверять и другие участники хозяйственной деятельности, то есть выбранная ими денежная единица будет являться общепризнанной и стабильной.

Многие из тех, кто предпочитает материалистическое объяснение принципов функционирования общественных и государственных институтов, могут возразить, указав, что ключевой элемент денежной системы – деньги, есть товар, который функционирует в качестве меры

стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, тем самым выводя на первый план их материальную природу.

Однако, некоторые исследователи полагают, что такой подход ведет к тому, что упускается из вида их мощная цивилизационная функция, которая позволила обеспечить создание прочных социальных связей между людьми, не знакомыми и не доверяющими друг другу. Иными словами, появившиеся на определенном этапе развития человеческой цивилизации в качестве универсального эквивалента при определении стоимости товара и услуг, деньги стали таковыми ввиду доверия им людьми.

Между тем, на всем протяжении развития денежной системы, начиная с чеканки лидийским царем Крезом первых монет и заканчивая введением фиатных денежных знаков, неизменным оставался принцип государственной монополии на эмиссию денежных средств, который Жан Боден, автор концепции суверенитета, выделял в качестве основного и важнейшего его элемента.

Действительно, долгое время в мировой истории, в условиях отсутствия технологических возможностей для быстрой коммуникации между центром государства и его отдаленными регионами, а также другими странами, именно единые, легко распознаваемые деньги обеспечивали надежность денежной системы, существенно облегчая сравнение цен на товары, а также решали проблему доверия к деньгам, поскольку оно было обеспечено государственным авторитетом, которое подкреплялось традиционно суровым наказанием за фальшивомонетчество [Лопашенко, с. 27].

Однако вышеуказанное правило во второй половине XX века стало подвергаться сомнениям многими учеными.

Так, Ф.А.Хайек, один из родоначальников новой австрийской экономической школы и лауреат Нобелевской премии по экономике 1974

года, одним из первых высказал идею о необходимости отказа от государственной монополии на эмиссию денежных средств. Хайек пришел к выводу, что основной порок рыночного порядка - его подверженность повторяющимся периодам депрессий и безработицы, вызывающая вполне оправданные упреки - есть следствие многовековой правительственной монополии на эмиссию денег.

Хайек предполагал, что то самое качество, которое сегодня повышает доверие к золоту в сравнении с контролируруемыми правительствами бумажными деньгами, а именно, невозможность произвольно манипулировать его общим количеством ради достижения политических целей, в долгосрочной перспективе заставит его уступить место бумажным денежным знакам, выпускаемым конкурирующими учреждениями, бизнес которых зависит от успешного регулирования эмиссии с целью сохранения ценности денежной единицы приблизительно постоянной, которые бы побеждали в конкурентной борьбе, имели стабильную ценность и предотвращали как чрезмерное инвестирование, так и последующие периоды спада.

В дальнейшем, данная идея неожиданно была поддержана научным оппонентом Хайека, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1976 М. Фридманом, который в своей статье «Имеет ли правительство какую-либо роль в деньгах» (англ. Has Government Any Role in Money), изменил свою прежнюю негативную оценку системы частных конкурентных валют и согласился с позицией Хайека.

Именно вышеуказанные труды стали той отправной точкой, после которой многие исследователи стали изучать периоды истории, когда правительственная денежная монополия отсутствовала, а также заложили теоретический фундамент, вдохновлявший как создателей криптовалют, так и тех, кто отважился на ее использование в обороте на заре ее появления.

Именно биткоин стал первой в мире системой, способной решить

проблему, которая неизбежно возникала в случае обсуждения теоретической возможности функционирования системы, не основанной на доверии эмитенту – каким способом можно распределить совместную задачу по ведению регистрационного учета между всеми членами сети, дав им стимул на выполнение подобной задачи, а также обеспечив гарантии того, что никто из членов сети не будет иметь возможность незаметно манипулировать данными записями, внося туда изменения, не соответствующие действительности?

Ответ заключался в использовании технологии блокчейн (от англ. block chain, цепочка блоков) – децентрализованной распределенной базе данных ("учетной книге") всех подтвержденных транзакций, совершенных в отношении определенного актива, в основе функционирования которой лежат криптографические алгоритмы.

Поскольку биткоин является первой и самой распространенной криптовалютой, рыночная капитализация которого превышает 95 миллиардов долларов США, а доля на рынке криптовалют составляет 55% , на наш взгляд представляется возможным сосредоточиться на механизме функционирования блокчейн как системы получения новых Биткоинов и подтверждения их транзакций, хотя в мире существует множество различных вариантов.

Ключевая особенность системы состоит в том, что она является пиринговой – от англ. “peer-to-peer” – от партнера к партнеру, одноранговой сетью, в которой отсутствует централизованный элемент, в то время как большинство связей в телекоммуникационной сети интернет происходит на двухранговом уровне, то есть по схеме «пользователь – сервер – пользователь».

В связи с тем, что данная система является одноранговой, то эмиссия децентрализованна и не зависит от действий эмитента, поскольку им является каждый, кто участвует в создании биткоина. Объем эмиссий многих криптовалют заранее известен – к примеру, выпуск биткоина

ограничен 21 миллионом [Устинова, с. 72].

Ввиду того, что дальнейшее описание работы данной системы может быть слишком сложно для понимания, поскольку основано на математических формулах, нам представляется возможным продемонстрировать принцип работы системы Биткоин на отдельном взятом примере.

Представим, что некто И. собирается перевести 1 биткоин своему другу Н. Как только И. с использованием специального программного обеспечения поручил своему электронному кошельку переслать биткоины в адрес Н., тот передал информацию о данной операции в сеть блокчейн вместе с ценными сведениями: программа автоматически сопоставила биткоин-адреса обеих сторон сделки, дату и время совершения транзакции, уникальный ключ транзакции, а также другие детали, необходимые для совершения перевода.

Информация о совершении данной транзакции, а равно и тысячи других, система передает майнерам (от англ. mining — добыча полезных ископаемых), пользователям, у которых установлено специальное программное обеспечение, которое направляет вычислительные мощности их ЭВМ на поддержание работоспособности сети путем выполнения сложных вычислительных задач, связанных с верификацией производимых транзакций.

Далее информация о совершении транзакции шифруется программным обеспечением майнера в буквенно-цифровую последовательность знаков, называемую хешем (от англ. hashing — «превращать в фарш»), которая является математическим алгоритмом, предназначенным для «сжатия» произвольного сообщения или набора данных, записанных, как правило, в двоичном алфавите (состоящим из последовательности букв от а до z и цифр от 0 до 9), в некоторую битовую комбинацию фиксированной длины. Особенностью хеширования является то, что по ее результатам информация всегда будет занимать 64 символа,

вне зависимости от того, производится ли хеширование данных о вышеуказанной транзакции или полного собрания работ Г.Ф. Шершеневича, а также то, что данную информацию невозможно будет модифицировать или сфабриковать.

Важно отметить, что биткоин применяет открытый реестр, то есть вся информация о транзакциях между адресами сети находится в открытом доступе, позволяющим проследить весь путь того или иного биткоина, начиная с момента его формирования до последней операции с ним. Вместе с тем, поскольку реестр не содержит информацию о владельцах электронных кошельков, возможность установить, что именно И. осуществил перевод 1 биткоина Н., появляется только при наличии информации, полученной из иных источников о том, что данный биткоин-адрес принадлежит именно И. и П.

Формирование новых единиц криптовалюты происходит в момент создания нового блока, который, в свою очередь, возникает в момент заполнения его хешем о выполнении определенного количества транзакций. Награда за формирование блока не делится между всеми членам сети, участвующим в его создании, а отдается полностью одному пользователю, выбранному случайным образом, который подготовил очередной блок к его включению в главный журнал блокчейна. Причем шанс получения биткоинов пропорционален отношению направленной вычислительной мощности ЭВМ майнера к вычислительной мощности всей сети. Алгоритм системы биткоин создан таким образом, что после образования определённого количества блоков награждение за формирование нового уменьшается вдвое по сравнению с предыдущим [Мартин, с. 40].

Именно после того, как информация о совершении И. транзакции в адрес Н. попала в новый блок, операция по переводу 1 биткоина будет завершена и ее невозможно будет отменить или пересмотреть, а возврат будет возможно произвести только путем совершения обратной

транзакции.

Важно отметить, что биткоин не может работать без блокчейна и существует постольку, поскольку придают ценность биткоин-адресу – уникальному счету, с использованием которого пользователи получают и отправляют криптовалюту. Биткоин не существует в виде документа или отдельного электронного файла, и его невозможно скопировать или удалить. Пользователь может утратить способность управлять счетом только при утрате пароля, дающего доступ к нему, который может быть записан как на электронном, так и на бумажном носителе.

Стоит сказать о том, что на сегодняшний день в мире, помимо биткоина, существует множество различных видов криптовалют, которые отличаются по их технологическому устройству и предназначению. Поскольку история существования криптовалюты не столь продолжительна, научное сообщество еще не выработало единой терминологии, а также не определилось с вопросами касательно классификации различных видов криптовалют. Тем не менее, на сегодняшний день наибольшего успеха в этом направлении добилось американская SEC и швейцарская FINMA. Несмотря на схожесть предлагаемой ими классификаций, на наш взгляд наиболее удачной представляется классификация, предложенная FINMA, поскольку в качестве видового критерия использует экономические функции той или иной криптовалюты, в то время как SEC фокусируется на сопоставлении ее с ценными бумагами.

Учитывая изложенное, нам представляется возможным использовать термин криптовалюта в качестве родового названия в следующем значении – электронное платежное средство, учет операций с которыми осуществляется децентрализованно на основании хешированной информации по заранее установленным правилам без кого-либо внешнего администрирования, разделив ее на следующие виды [Манова, с. 41]:

1. Коины (от англ. «Coin» - монета) – в данную группу входят все

криптовалюты, функционирующие по аналогичному с биткоином алгоритму. Альткоины (от англ. “alternative coin” – альтернативная монета) были созданы с целью совершенствования алгоритмов и преодоления технических ограничений, содержащихся в биткоине. На сегодняшний день в мире существует более 1500 различных альткоинов, каждый из которых в чем-то технологически превосходит биткоин. Данное превосходство может проявляться в увеличении скорости транзакций внутри системы, использование криптографического протокола доказательства с нулевым разглашением, обеспечивающим полную анонимность, а также иными различными увеличениями функционала системы. Отличительным признаком данной группы является то, что все они являются инструментом для расчетных операций и фактически используются в качестве аналога платежных средств. Вторым по известности (и рыночной капитализации) представителем данной группы является эфириум (от англ. ether), который нередко именуют «криптовалютным серебром», отдавая титул «криптовалютного золота» более ценному биткоину.

2. Токены (от англ. “token” – опознавательный знак, жетон) – единица криптовалюты, выпущенная организацией или пользователем с использованием системы блокчейн с целью использования в задачах, для которых коины не предназначены. Главное отличие токенов от коинов заключается в том, что у них есть конкретный эмитент, а сама эмиссия, как правило, является ограниченной. Такая эмиссия подразумевает, что большинство монеты будут выпущены в первом же блоке, а дальнейшее заполнение блоков будет происходить по мере совершения транзакций (в том числе и без генерации новых токенов). В зависимости от выполняемых экономических задач токены подразделяются на:

2.1. Служебные токены (от англ. Utility tokens) — токены, позволяющие владельцу получить товары и услуги у компании-эмитента. Объем эмиссии данного вида токенов чаще всего технологически никак не

ограничивается, а новые токены выпускаются эмитентом по мере необходимости. В качестве примера можно привести Filecoin, принцип работы которого заключается в том, что часть пользователей предоставляет другим пользователям свободное пространство на жестких дисках, серверах и ресурсы высокоскоростной сети, получая взамен токены, а клиенты, наоборот, платят майнерам токенами за хранение, а также возможность извлечения или распространения информации. Еще одним примером является Golem, представляющий собой уникальную технологию обработки видео на базе блокчейна дающий возможность использовать вычислительные мощности для решения задач по обработке видео и графики при относительно низких затратах. Из изложенного следует, что полезные токены по своей правовой природе схожи с подарочными картами и сертификатами, отличающимися от последних отсутствием физической оболочки.

2.2. Инвестиционные токены (от англ. Asset tokens) — это токены, обеспеченные обязательством, эмитируемые, как правило, юридическим лицом посредством процедуры ICO (аббревиатура от англ. initial coin offering – первичное предложение монет), вырученные средства от которой используется для финансирования разработок проектов и организаций. В обмен на привлеченные инвестиции, держатели токенов, в зависимости от базового актива, установленного эмитентом, получают право на дивиденды, участие в деятельности организации.

2.3. Кредитные токены – удостоверяют выданный эмитенту займ. Эмитент, принимая средства от клиента, выпускает токен, фиксирующий право требования владельца на возврат полученных средств в будущем, и проценты за пользование полученными средствами. Наиболее известным для российских граждан представителем данного вида является Cashbery Coin, продукт печально известного холдинга Кэшбери, позиционировавший себя как P2P-кредитование.

Необходимо отметить, что приведенная выше классификация не

является общее признанной в связи с тем, что гибкость цифровой среды позволяет создавать варианты криптовалюты, включающие в себя комбинации вышеизложенных функциональных особенностей, а также создавая более сложные виды. Однако, на наш взгляд, указанная классификация криптовалют при определении их правовой природы позволяет применить дифференцированный подход, охватывающих их экономические и технологические особенности [Божьев, с.29].

Примечательно, что несмотря на различия законодательной традиции, процесс обсуждения правового статуса криптовалюты имел схожий генезис во всех вышеуказанных странах. Вначале представитель центрального банка или высокоавторитетное лицо из финансовой сферы высказывались о невозможности интеграции криптовалюты в экономическую деятельность, называя криптовалюту угрозой денежной системе государства. В дальнейшем, общественное и научное обсуждение перспектив ее использования приводил к разработке законопроектов, направленных на определение места криптовалюты в правовой системе.

Определение правовой природы криптовалюты является самым важным вопросом в регулировании криптовалюты. Собственно, с этого и начинается регулирование. Правовую природу можно обозначить как метод правовой идентификации объекта или явления, который позволяет определить их место среди других правовых объектов и явлений путем определения присущих им признаков.

Вопрос определения правовой природы криптовалюты чрезвычайно дискусионен, так как специфика криптовалюты не позволяет отнести ее ни к одному существующему объекту (активу). Эта специфика заключается, как правило, в децентрализованном характере эмиссии данного актива, а также в отсутствии его материального выражения.

Существует как минимум четыре варианта правовой природы криптовалюты, причем в разных странах порой одновременно применяются несколько вариантов. Итак, криптовалюта – это:

- средство платежа (means of payment);
- товар (commodity);
- ценные бумаги (securities);
- денежный суррогат.

Криптовалюта как средство платежа.

Данную категорию можно понять двояко: средство платежа как деньги или как альтернативное договорное средство платежа (еще называют – «частные деньги»). Для того чтобы квалифицировать криптовалюту в качестве «денег» нужно включить данную категорию в законодательство: определяя ее как законное либо специальное платежное средство. Данный вывод можно сделать, обратившись к определениям денег в законодательствах некоторых стран. Так, в США определение денег содержится в Единообразном торговом кодексе США § 1-201 (b) (24) (ЕТК), согласно которому «деньги» – это «средство обмена, в настоящее время санкционированное или принятое национальным или иностранным правительством <...>» . Схожее определение содержится в законодательстве штатов, например, в §676.1 (7) Калифорнийского гражданского процессуального кодекса . В Своде федеральных нормативных актов (раздел 31, §1010.100) содержится определение валюты, согласно которому – это «монеты или бумажные деньги США или любой другой страны, которые обозначены как законное платежное средство и которые распространяются и обычно используются и принимаются в качестве средства платежа в стране выдачи. <...>».

В РФ определения понятия денег в законодательстве нет. В ст. 140 ГК РФ содержится лишь указание на то, что законным платежным средством является рубль [Барыгина, с. 22].

На данный момент ни в одном государстве криптовалюта не является законным платежным средством. Однако криптовалюта может считаться договорным платежным средством для целей правового регулирования. Так в США, Управление по борьбе с финансовыми преступлениями

Министерства финансов США (FinCEN) и Налоговое управление США (IRS) признают криптовалюту средством платежа. Так как криптовалюта часто используется для отмывания денег, и чтобы установить надзор за поставщиками виртуальной валюты, эти органы приравнивали их к поставщикам финансовых услуг (MSB) по Закону о банковской тайне (BSA).

Европейское банковское управление определило криптовалюты как «форму нерегулируемых цифровых денег, которая не выпускается или не гарантируется Центральным банком, но может выступать в качестве платежного средства». Марк Карни, управляющий Банка Англии, объяснил, что в Великобритании только фунт стерлингов является законным платежным средством и перспективы криптовалюты, заменяющей фиатные деньги, в лучшем случае незначительны. Тем не менее, страны ЕС могут свободно использовать валюты, отличные от евро, такие как фунт стерлингов или доллар США, а также любые виды денег, выпущенные в частном порядке, такие как локальные системы биржевой торговли или криптовалюты. Поэтому частные лица в ЕС могут использовать криптовалюту как форму частных денег.

В Законе о предотвращении отмывания доходов и финансирования терроризма Эстонии виртуальная валюта определяется как «стоимость, представленная в цифровой форме, которая может быть переведена, сохранена или продана в цифровом виде и которую физические или юридические лица принимают в качестве платежного инструмента, но она не является законным платежным средством какой-либо страны или фондов <...>».

Для целей регулирования противодействия отмыванию доходов и финансированию террористической деятельности (AML/CFT) криптовалюты признаются средством платежа также в Беларуси, Швейцарии и некоторых других странах.

Криптовалюта как денежный суррогат.

До недавнего времени, такая концепция официально существовала в Российской Федерации. До 31 июля 2020 г. в России по поводу правовой природы криптовалюты звучали лишь отдельные заявления представителей государственных органов и ЦБ, однако какого-либо нормативно закреплённого положения не было. В 2014 г. пресс-служба ЦБ назвала криптовалюту «денежным суррогатом», выпуск которого на территории РФ запрещен согласно ст. 27 ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)». В 2017 г. это мнение было подтверждено еще раз.

Концепция денежного суррогата довольно неопределённая. В законодательстве РФ нет ни определения денежного суррогата ни каких-либо критериев, по которым можно было отнести тот или иной объект к денежному суррогату. В 2015 г. Министр юстиции А.В. Коновалов в интервью заметил, что понятие «денежные суррогаты» «...не отвечает требованиям точности, ясности и определенности закона, что может привести к проблемам в правоприменительной практике».

Упомянутые проблемы можно было увидеть в судебной практике: некоторые судьи применяли понятие денежного суррогата в делах, связанных с блокировкой ресурса, предоставляющего информацию о криптовалюте. Хотя ст. 27 ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» запрещает лишь выпуск суррогатов на территории РФ, в ней ничего не написано о распространении информации о криптовалюте, а равно и о криптовалюте, выпущенной за пределами РФ.

Отказался отождествлять криптовалюту с денежным суррогатом и Савельев А.И. Он писал, что если понятие денежного суррогата и имеет какое-либо правовое значение, то исключительно в сфере публичного права, «поскольку гражданское право позволяет сторонам по собственному усмотрению определять встречные предоставления по договору (п. 4 ст. 421 ГК РФ, п. 1 ст. 423 ГК РФ), а следовательно, криптовалюта не может быть признана денежным суррогатом по причине ее использования в

конкретных гражданско-правовых договорах».

Министерство юстиции РФ в заключении на законопроект 2014 г. о запрете виртуальных валют и установлении ответственности за использование денежных суррогатов отметило, что «любой объект, будь это вещь или просто запись в компьютере, может служить средством платежа, при условии, что находятся контрагенты, готовые принимать и предоставлять в обмен на этот объект товар, производить работу или оказывать услугу».

Российские законодатели, судя по всему, понимали, что концепция денежного суррогата не совсем подходит к криптовалюте, и в 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, подготовленный Министерством финансов и ЦБ «О цифровых финансовых активах». В этом проекте, состоящем из 5 статей, регуляторы пытались определить основные понятия и механизм использования криптовалюты.

В законопроекте криптовалюта определялась как «вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». Цифровой финансовый актив, в свою очередь, – это «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. <...> К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта и токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации».

При внимательном прочтении законопроекта можно было заметить, что им были регламентированы только сделки по обмену токенов на рубли или иностранную валюту. Причем порядок обмена других активов, как предполагалось, должен был определяться ЦБ по согласованию с Правительством Российской Федерации. Про выпуск и обращение криптовалюты в законопроекте ничего написано не было.

В 2019 г. вступил в силу ФЗ «О внесении изменений в части первую,

вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в ст. 128 ГК РФ был уточнен термин «иное имущество» путем дополнения его новым объектом гражданских прав – «цифровыми правами». Ст. 141.1 ГК РФ, в которой раскрывается понятие цифровых прав, отсылает к ст. 8 ФЗ №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 г. Данный закон закрепляет имущественные права, которые, скорее, применимы к токенам, нежели к криптовалюте. Таким образом, до 31 июля 2020 г. криптовалюта в РФ так и оставалась денежным суррогатом.

Однако 21 июля 2020 года без каких-либо предварительных анонсов появляется совершенно новый (по содержанию) проект закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». И уже 31 июля его подписывает В.В. Путин; закон вступил в силу 1 января 2021 г.

Новый документ, как можно предположить, был задуман с целью регулирования выпуска и обращения токенов и криптовалюты. Хотя в самом тексте документа отсутствуют термины «токен», «криптовалюта» или обобщенный термин, который используют некоторые страны – «виртуальная валюта», зато есть такие понятия, как «цифровой финансовый актив» (далее – ЦФА), определение которого значительно изменилось по сравнению с тем, что содержалось в законопроекте «О цифровых финансовых активах» 2018 г., и «цифровая валюта», определение которой совершенно не имеет ничего общего с определением криптовалюты, которое дается международными организациями (например, ФАТФ) или иностранными законодателями. Внимательно прочитав оба определения, можно с большими оговорками предположить, что ЦФА включает в себя токены, а цифровая валюта – криптовалюту.

Итак, понятие цифровой валюты сформулировано следующим образом: «совокупность электронных данных (цифрового кода или

обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Первое, на что стоит обратить внимание, это то, что цифровая валюта «предлагается и (или) может быть принята в качестве средства платежа <...> или в качестве инвестиции», то есть в данном словосочетании наметились подвижки в сторону определения правовой природы цифровой валюты (условно криптовалюты), как средства платежа, или частных денег, а не денежного суррогата. Но на этом положительные моменты заканчиваются. Вторая часть определения: «в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» крайне сложна для понимания. Во-первых, кто такое обязанное лицо?

Можно предположить, что имелось ввиду отсутствие централизованного эмитента. Во-вторых, исключения из правила составляют оператор информационной системы и узлы. Под узлами понимаются «пользователи информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность информации,

содержащейся в указанной информационной системе, с использованием процедур подтверждения действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей». Под оператором информационной системы понимается «гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных» . Если с узлами сети все понятно, то кто такой оператор информационной платформы, применительно к криптовалюте? Ведь криптовалюта основана на блокчейне, который носит децентрализованный характер, у него нет какого-либо центра, нет того, кто бы поддерживал эту сеть централизованно. Все участники сети, по сути, являются ее операторами. И уж тем более, не существует никакой обязанности одних перед другими. Одни участники могут добиться консенсуса и путем хард-форка изменить «правила игры», изменить код, на котором работает блокчейн, но кто-то не захочет принимать эти правила, и указанный блокчейн расколется на две независимые сети. Поэтому определение, которое предложил российский законодатель, не отвечает самим техническим характеристикам того, что призван регулировать данный закон.

Кроме того, выше мы пришли к выводу, что криптовалюта относится к конвертируемой виртуальной валюте, а не цифровой валюте. Это означает, что в российском законе существует путаница с понятиями, и чтобы хоть как-то ее решить, законодатели ввели п. 11 ст. 1, согласно которому «требования настоящего Федерального закона не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств, а также на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг».

Но самое главное нововведение, относящееся к цифровой валюте, в рассматриваемом законе содержится в ст. 14 («Оборот цифровой валюты»). Согласно п. 5 указанной статьи юридическим лицам, личным законом которых является право РФ, обособленным подразделениям

иностранных юридических лиц, международных организаций, созданных в РФ, а также физическим лицам, фактически находящимся в РФ не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, запрещается принимать цифровую валюту в качестве «встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)». При этом запрещается не только расплачиваться цифровой валютой, но также запрещается распространение информации о предложении/приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги.

При более внимательном рассмотрении ст. 14 и ст. 3 ФЗ, в которой дано определение цифровой валюты, можно заметить, что они противоречат друг другу: в определении цифровой валюты указано, что она предлагается или может быть принята в качестве средства платежа или в качестве инвестиции, но тут же в ст. 14 запрещается предлагать или принимать криптовалюту в качестве встречного предоставления.

Таким образом, правовая природа криптовалюты в Российской Федерации остается неопределенной: она не может быть признана средством платежа на основании принятого в 2020 г. закона, а другого варианта, кроме денежного суррогата, власти пока не предложили.

Криптовалюта как товар.

Ярким примером такого подхода к определению правовой природы криптовалюты является США. Комиссия по торговле сырьевыми товарами и фьючерсами США (CFTC) считает, что криптовалюта является товаром, подпадающим под регулирование Закона о товарных биржах (CEA) 1936 г., в котором «товар» определяется довольно широко: «...Все услуги, права и интересы ..., в отношении которых в настоящее время или в будущем заключены контракты на поставку». Комиссия утверждает, что виртуальная валюта, в частности Биткоин, подходит под это определение.

В 2018 г. в деле CFTC v. CabbageTech, Corp. окружной суд США

утвердил полномочия СFTС по регулированию криптовалюты, рассмотрев несколько доктринальных определений «товара». Так, Митчелл Прентис утверждал, что товар – это то, что продается на рынке с одинаковым качеством и стоимостью по всему миру. Это определение реально отражает экономическое поведение пользователей Биткойна. Также, М. Прентис ссылаясь на работу Р. Мюррейя «Человек, экономика и государство», в которой автор утверждал, что все денежные обмены на самом деле являются косвенными товарными обменами. На этом основании М. Прентис говорил, что Биткойн в первую очередь следует считать товаром, поскольку он выполняет функцию денег в своем сообществе пользователей. Кроме этого, М. Прентис провел аналогию между ценообразованием любого товара и Биткойна: цены на традиционные товары изменяются в зависимости от их спроса / предложения и дефицита, точно такая же ситуация и с биткойнами [Капинус, с. 78].

Джефф Керри относил криптовалюту к товару, потому что товар – предмет, который удовлетворяет физические потребности человека, а одна из таких потребностей – потребность в сохранении стоимости. Исторически человечество использовало различные товары для сбережения стоимости, например, золото. В конце своих рассуждений автор делает интересный вывод: биткойн со строчной буквой «b» является товаром, а не валютой, в то время как Биткойн с большой буквой «B» является технологией или сетью, по которой «перемещается» биткойн.

Еще одним примером страны, в которой криптовалюта может считаться товаром, является КНР. Считается, что в КНР криптовалюта полностью запрещена, что не совсем верно. Например, запрещено обменивать криптовалюту или токены на законное платежное средство. Также закон запрещает криптовалюту как деньги, но признает ее виртуальным товаром.

Криптовалюта как ценная бумага.

Наконец, последний из подходов к определению правовой природы состоит в том, что криптовалюта – это ценная бумага. С учетом всего вышеизложенного, по нашему мнению, квалифицировать в качестве ценной бумаги можно только токены, выпущенные в рамках ICO. Так, например, в США регулированием ICO занимается Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC). Она определяет ICO, как ценные бумаги в соответствии с федеральными законами о ценных бумагах, основывая свою позицию на том, что определенный токен представляет собой инвестиционный договор. Для классификации токенов в качестве ценной бумаги Комиссия использует «тест Хоуи» («Howey Test») – тест, созданный для определения того, могут ли определенные сделки квалифицироваться как инвестиционные контракты, которые в соответствии с законом о ценных бумагах 1933 г. и Законом о бирже ценных бумаг 1934 г. считаются ценными бумагами [Лебедев, с. 66].

Согласно тесту Хоуи сделка классифицируется как ценная бумага, если выполняются все четыре из следующих условий : происходит инвестирование денег; есть ожидание прибыли от таких инвестиций; инвестирование происходит в общее предприятие; любая прибыль является результатом усилий предпринимателя (учредителя) или управленческих действий третьей стороны.

Так, в 2018 г. на основании теста Хоуи SEC решила, что Биткоин не является ценной бумагой.

На наш взгляд, Россия не стала исключением из этой закономерности, однако вопрос об определении места криптовалюты в ее правовой системе на сегодняшний день окончательно не решен, хотя законодательный орган Российской Федерации пытается разрешить данный вопрос.

Так, в проекте Федерального закона «О цифровых правах» изначально предлагалось закрепить в Гражданском кодексе Российской

Федерации определение криптовалюты, дополнив его ст.141.2 следующего содержания: цифровыми деньгами может признаваться не удостоверяющая право на какой-либо объект гражданских прав совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение), созданная в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы, и используемая пользователями этой системы для осуществления платежей. Однако, в процессе рассмотрения законопроекта, данное определение было исключено, поскольку по словам Павла Крашенинникова, одного из инициаторов законопроекта, введение биткоинов в гражданский оборот — преждевременно.

С данным утверждением невозможно согласиться ввиду того, что оно противоречит принципу диспозитивности гражданского оборота, а отсутствие специального законодательства, посвященного криптовалюте, не означает невозможность ее применения в хозяйственной деятельности, а лишь создает трудности при правовой квалификации уже сложившихся экономических отношений.

Вместе с тем, с 01 октября 2019 года в Гражданском кодексе РФ появится статья 141.1, посвященная цифровым правам, которыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Из изложенного следует, что под действие данного определения подпадают служебные токены, который дают его владельцу право требовать передачи какой-либо вещи, а также выполнения работ или оказания услуг, а также кредитные токены.

Таким образом, проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» направлен на определение правового статуса инвестиционных токенов. Несмотря на то, что появление данного проекта является положительным знаком, означающим возможность дальнейшего признания инвестиционных токенов бездокументарными ценными бумагами, требования, предъявляемые для эмитентов, противоречат изначальному смыслу их появления, который заключался в создании механизма привлечения финансирования для организаций, когда в отсутствие необходимого количества ресурсов невозможно прибегнуть к процедуре IPO (от англ. Initial Public Offering, первичное публичное размещение, под которым понимается первая публичная продажа акций акционерного общества, в том числе в форме продажи депозитарных расписок на акции, неограниченному кругу лиц).

Столь высокие требования к эмитентам приведут к тому, что отечественные компании будут и дальше проводить ICO за рубежом, а многие организации будут лишены возможности привлечения инвестиций. Изложенное подтверждается опытом США, где после опубликования отчета Комиссии по ценным бумагам, многие организации принялись менять место своей деятельности, а американские компании стали проводить ICO в других странах, поскольку в своем отчете комиссия пришла к выводу, что токены следует рассматривать как ценные бумаги, применяя к ним требования, необходимые для IPO, в том случае, если после прохождения Теста Хауи (англ. Howey Test) они будут признаны обладающими признаками ценной бумаги [Булатов, с. 65].

Учитывая изложенное, в настоящий момент в Российской Федерации отсутствует специальное правовое регулирование коинов, а также инвестиционных токенов. В отечественной юридической среде и средствах массовой информации высказывались различные мнения относительно перспектив правового регулирования данного вида криптовалюты, а также ее места в правовой системе России.

Так, высказывалось мнение о том, что криптовалюта (в частности, коины) является денежным суррогатом. В частности, данного мнения придерживается Центральный Банк РФ, который в 2014 году в своем письме предостерег граждан России от использования криптовалюты, указав, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Генеральная Прокуратура РФ пошла дальше, и заявила о приравнивании криптовалюты к денежным суррогатам, выпуск которых запрещен на основании ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации, и заявила о запрете ее использования физическими и юридическими лицами. Однако в российском законодательстве отсутствует легальное определение такого понятия как «денежный суррогат», и не установлена процедура отнесения платежного (финансового) средства к таковым.

Применительно к биткоину, а также и к альткоином, в средствах массовой информации широко распространено мнение о том, что они являются электронными денежными средствами. Однако данная позиция абсолютно не верна и противоречит положению ФЗ «О национальной платежной системе», согласно которому электронными денежными средствами являются денежные средства, предварительно предоставленные одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет

право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа .

Касательно суждений о том, что криптовалюта является валютой в правовом смысле, то эти мнения тоже можно назвать ошибочными относительно всех указанных выше криптовалют, так как в ст. 1 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» дан исчерпывающий список относимых к валюте предметов, в числе которых перечислены денежные знаки в виде банкнот и монет Банка России, денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства, а также средства на банковских счетах и вкладах, и, как мы можем видеть, криптовалюта в данном списке отсутствует.

Мнение о том, что все криптовалюты являются бездокументарной ценной бумагой также не соответствует действительности, поскольку противоречат их технологической природе. Бездокументарная ценная бумага содержит в себе имущественное право, зафиксированное в специальном реестре, ответственность за исполнение которого (и ведение реестра) несет лицо, выпустившее ценную бумагу.

Таким образом, те виды криптовалюты, которые не имеют единого эмитента, то есть лица, которое должно нести ответственность за исполнение обязательства, не могут быть признаны ценными бумагами уже исходя из своей природы.

Проанализировав технологическую и правовую природу криптовалюты, нам видится правильным мнение о том, что коины, на сегодняшний день, относятся к категории “иное имущество”, которая, если следовать буквальному толкованию ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), не является исчерпывающей, и, следовательно, может включать в себя такое явление как криптовалюта, а значит, имеет место право собственности на криптовалюту.

Изложенное утверждение нашло свое отражение в судебной практике. Так, Девятый Арбитражный Апелляционный суд, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя заявление финансового управляющего о включении в конкурсную массу криптовалюты, принадлежащей должнику, указал, что в силу диспозитивности норм гражданского права в Гражданском Кодексе Российской Федерации отсутствует закрытый перечень объектов гражданских прав. Поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в статье 128 ГК РФ Гражданского Кодекса Российской Федерации, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование, которое позволят квалифицировать криптовалюту как иное имущество.

Многими правоведами высказываются утверждения о том, криптовалюта может выступать в качестве элемента состава преступления только в случае принятия соответствующих изменений в Уголовной Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ).

На наш взгляд, предполагаемая модель криминализации отражают существующий подход уголовно-правовой политики в сфере высоких технологий. Имея ситуацию в виде появления нового технологического явления, законодатели и исследователи, не разобравшись в состоянии всей социально-экономической обстановки, технологической природе и особенностях функционирования, эффективности уголовно-правовых установлений, обоснованности пределов уголовно-правового регулирования, а также, не проанализировав возможные проблемы, предлагают изменения только в виде новых специальных составов и квалифицирующих признаков, суть которых, в свою очередь, сводится к наиболее полному отражению нормой фактических обстоятельств совершенного деяния.

В данной ситуации невозможно не вспомнить высказывание Б.В.

Волженкина, который отмечал, что особенность современной законопроектной деятельности состоит в стремлении заполнить мнимые пробелы в уголовно-правовой охране путем конструирования специальных норм при наличии в УК РФ общих норм, действия которых распространяются на соответствующие деяния. Порочность вышеуказанного подхода заключается в том, что диспозиции уже имеющихся в УК РФ статей предусматривают возможность криптовалюты выступать элементом состава преступления.

Отталкиваясь от правовой природы криптовалюты, нам видится неосновательным вывод Генеральной прокуратуры РФ о невозможности правовой защиты интересов собственников криптовалюты, так как согласно положением ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а охрана права собственности является одной из задач УК РФ.

После того как мы разобрались в технологической и правовой природе криптовалюты, а также с ее местом в экономических правоотношениях, нам представляется возможным обратиться к анализу вопроса о возможности криптовалюты быть предметом преступления в различных составах УК РФ.

Таким образом, понятие цифровой валюты сформулировано следующим образом: «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их

отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Существует как минимум четыре варианта правовой природы криптовалюты, причем в разных странах порой одновременно применяются несколько вариантов. Итак, криптовалюта – это:

- средство платежа;
- товар;
- ценные бумаги;
- денежный суррогат.

1.2. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Рассмотрим опыт правоприменительной и законодательной практики зарубежных стран, начав с Японии, которая является общепризнанным мировым лидером как в сфере высоких технологий, а также занимающей второе (после США) место по обороту криптовалюты, и являющейся предполагаемой родиной создателя биткоина.

Под услугами по обмену криптовалюты японское законодательство понимает совершение действий по покупке или продаже криптовалюты или обмен на другие криптовалюты; посреднические, брокерские и агентские услуги с использованием виртуальных валют .

Важно отметить, что японское законодательство претерпело некоторые изменения, связанные с ужесточением контроля за деятельностью по обмену криптовалюты на фиатные деньги, связанное с крахом крупнейшей японской биржи по обмену криптовалюты MtGox в 2014 году. В соответствии со ст. 30 Постановления Кабинета Министров Японии «О виртуальных валютных биржах» в Японии запрещается ведение деятельности, связанной с оказанием услуг по обмену виртуальной валюты на фиатные деньги без государственной регистрации.

Специфика законодательного регулирования криптовалюты США

обусловлена особенностями американского федерализма. Одним из штатов, законодательно оформив правовое регулирование криптовалюты, стал штат Калифорния, в 2014 году принявший закон под названием «Легальные деньги: альтернативные валюты », устанавливающий возможность применения криптовалюты в качестве средства платежа.

Примеру Калифорнии последовал штат Вайоминг, на территории которого с 01 марта 2019 года вступил в силу закон «О цифровых активах». Данный закон определяет цифровые финансовые активы как экономические и имущественные права, которые выражены в машиночитаемом формате, разделяя их на следующие категории:

1. Цифровая ценная бумага – контракт, согласно которому лицо инвестирует в предприятие и имеет основания ожидать получения прибыли в результате усилий учредителей предприятия или третьих сторон;

2. Виртуальная валюта – цифровой актив, который используется как в качестве средства обмена, расчетной единицы или средства сохранения ценностей и не признано законным средством платежа правительством США.

3. Цифровой потребительский актив – цифровой актив, который используется или покупается для потребительских, личных или бытовых целях и включает в себя токены, созданные с использованием публичного реестра, представляющие собой неосязаемое личное имущество, а также любые другие цифровые активы, не подпадающие под описание вышеуказанных пунктов.

Революционность «Закона о цифровых активах» штата Вайоминга состоит в том, что он распространяет на виртуальную валюту правовой статус, применяемый к фиатным деньгам.

Особое внимание заслуживает штат Мичиган, палата представителей которого в апреле 2019 года приняла поправки в Уголовный кодекс, посвященные криптовалюте. В частности, данные изменения указывают

криптовалюту в качестве предмета преступления в мошенничестве, присвоении и растрате, а также при легализации денежных средств, добытых преступным путем.

В таких странах как Германия, Сингапур, Австралия, Бельгия, Канада, Испания, Финляндия и Малайзия существуют акты органов исполнительной и законодательной власти, регулирующие отношения с использованием криптовалюты (в большинстве случаев, это акты налоговых органов, однако имеется ряд специальных законов) [Шаталов, с.45].

В международном сотрудничестве в сфере противодействия преступности так или иначе участвуют все главные и вспомогательные органы, а также ряд специализированных и неспециализированных органов и организаций ООН. Все они активно включились в работу по противодействию новым вызовам преступности.

В настоящее время анонимность проводимых криптовалютных платежей вызывает озабоченность мирового сообщества.

По этой причине, считают представители МВФ, нельзя легкомысленно относиться к вопросам правового регулирования криптовалют, т. к. масштабные изменения, которые будут происходить в финансовых системах всех государств, могут быть ощутимы. Поэтому необходимо международное регулирование и соответствующий надзор за оборотом криптовалют. При этом подчеркивается, что криптовалюты могут использоваться для легализации (отмывания) преступных доходов, финансирования терроризма, уклонения от налогов и мошенничества .

Более того, по инициативе МВФ, совместно со Всемирным банком, создана учебная монета или «квазикриптовалюта» на собственном блокчейне с ограниченным доступом в учебных целях. Поскольку технология распределительного реестра (блокчейн) стремительно совершенствуется, а с ней развиваются и различные виды криптовалют, необходимо изучение информации о них, механизме их применения,

способах использования в преступных целях.

Основная цель применения «квазикриптовалюты» – оценка того уровня финансовой безопасности для частных лиц, который они могут предоставить, с одной стороны, а с другой, определение возможности гипотетической расплаты ею за товары и услуги. При этом будет уделено внимание сделкам, которые осуществляют физические лица ежедневно в незначительном объеме.

В июле 2019 г. МВФ опубликовал на официальном сайте отчет о результатах исследования криптовалют и признал важность их развития, и подтвердил мнение руководителя самого крупного по активным балансовым операциям банка США – “JP Morgan” – Джейми Даймона о том, что «криптовалюты уже являются конкурентами банков, а кредитные организации делают шаги, чтобы не отставать в этом рыночном соревновании за клиентов финансовых услуг».

Вместе с тем предлагается упрочить свои позиции и в глобальном финансовом мире центральные банки должны активно сами выступать эмитентами криптовалют, но МВФ высказывает предостережение об инвестициях в цифровые активы, т. к. это связано с большими финансовыми рисками [Зуев, с. 102].

Помимо создания законодательной базы, международные организации готовы взять на себя ответственность по подготовке методических рекомендаций и проведения исследований в этой области. Так, Европейский центральный банк стал одним из первых, кто подготовил и опубликовал доклад о криптовалютах, в котором дал их понятие и определил схемы их использования. В течение нескольких лет он предупреждал об опасности крипто-валют, и в 2015 г., после взлома Mt.Gox, который привел к потере более 350 млн долл. в биткоинах, Европейский центробанк подготовил очередной отчет, в котором изложил свою позицию относительно криптовалюты, и в т. ч. сделал вывод о том, что крипто-валюта как «виртуальная валюта — это цифровое

представление стоимости, не выпущенное центральным банком или кредитным учреждением, которое в некоторых случаях может использоваться в качестве альтернативы деньгам» и может выполнять функцию средства обмена или единицы учета, но не средства сбережения.

Позже принимаются решения о внесении изменения в законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму, а также их финансированию, легализации (отмыванию) преступных доходов и пр.

Европейский Союз (далее – ЕС) проводит активную работу в сфере противодействия преступности. С 1995 г. начинают действовать специализированные организации, такие как: Европейская полицейская организация, Европейская организация правосудия, Европейское бюро по борьбе с мошенничеством, Европейская сеть по предупреждению преступности и др., – они составляют организационную основу в области противодействия преступности, которое постепенно превратилось в одно из приоритетных направлений деятельности ЕС и достигается посредством:

- 1) сотрудничества полицейских сил, таможенных и других компетентных органов государств-членов как непосредственно, так и в рамках Европола;

- 2) сотрудничества между судебными и другими компетентными органами государств-членов;

- 3) сближения норм уголовного законодательства государств-членов ЕС.

Каждое из созданных подразделений ЕС принимает активное участие в противодействии преступности, в т. ч. и с использованием криптовалют. На международном уровне также активно обсуждаются проблемы, связанные с использованием системы распределенного реестра (блокчейна) и выделяются следующие основные направления:

— законное определение применения и использования блокчейн-

систем. В настоящее время для более детального урегулирования 22 государства ЕС подписали Декларацию о создании Европейского партнерства в сфере блокчейн-технологий в целях развития блокчейн-инфраструктуры ;

- законодательное и нормативное регулирование криптовалют;
- законное определение применения и использования смарт-контрактов .

Так, в ряде стран урегулированы отношения, связанные с заключением смарт-контрактов (США, Великобритания), где они признаются программой, которая активируется происходящими событиями и действует в распределенном децентрализованном многопользовательском воспроизводимом реестре, может управлять и передавать в нем активы. ЕС принял Директиву (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета об изменении ряда Директив, дополнив их рекомендациями о требовании от электронных платформ, обеспечивающих трансфер криптовалют и провайдеров электронных кошельков, принимать исчерпывающие меры по идентификации своих клиентов [Круковский, с. 62].

Наряду с конвенционными механизмами в Совете Европы созданы специализированные структуры, в функции которых входит предотвращение и устранение отдельных видов преступлений. Так, например, «Группа Помпиду» принимала непосредственное участие в разработке международно-правовых документов, в т. ч. Европейской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов, добытых преступным путем (1990 г.). В 1999 г. Россия присоединилась к данному соглашению и реализует в рамках деятельности «Группы Помпиду» около 300 программ, проектов и мероприятий.

В мае 2001 г. Совет Европейского союза основал Европейскую сеть по предупреждению преступности (EUCPN), задачами которой являются изучение практики в области предупреждения преступности, оценка и

распространение информации, собранной в странах-членах; содействие сотрудничеству и содействие в установлении новых контактов между странами в Сети; участие в разработке местных и международных стратегий предупреждения преступности.

Одними из основных задач Сети являются: организация ежегодной конференции по передовым методам предупреждения преступности; организация ежегодного конкурса Европейской премии по предупреждению преступности (ЕСРА) на лучший европейский проект по предупреждению преступности.

Особое место в деятельности по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием криптовалюты, занимает международная комиссия уголовной полиции, созданная в Вене в 1923 г. (с 1956 г. – межправительственная организация Интерпол).

Она играет координирующую роль в противодействии преступности и в настоящее время объединяет более 190 государств (включая Россию). В настоящее время Интерпол является международным специализированным и информационным центром, который осуществляет борьбу с преступностью.

С этой целью он стремится поддерживать контакты с национальными и международными органами; готовит обзоры и рекомендации для правоприменительной практики, в т. ч. по расследованию преступлений; активно участвует в разработке проектов международных договоров о борьбе с отдельными видами преступлений; оказывает помощь по пресечению готовящихся или совершенных преступлений; развивает международное сотрудничество, вносит существенный вклад в укрепление международного правопорядка, сотрудничает с ООН и другими международными организациями в области противодействия преступности.

Высшим органом Интерпола является Генеральная ассамблея, сессии которой проходят ежегодно. Интерпол как международная организация в

странах-участницах имеет свои структурные подразделения (филиалы) – национальные центральные бюро (НЦБ). В их функции входит обмен информацией между правоохрнительными и иными государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью, правоохрнительными органами иностранных государств-членов Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола .

Он осуществляет информационное обеспечение международного розыска, в рамках которого использует международные извещения (циркуляры, уведомления) Интерпола. Особая роль в его деятельности отведена подготовке Специальных извещений (INTERPOL United Nations Special Notices) 1. В данном случае речь идет о принятии международным сообществом мер по противодействию террористической угрозе со стороны «Аль-Каиды» и «Талибана», а также их сообщников.

Также Интерполом проводится работа по сбору и обработке информации о преступлениях, способах их совершения, особенностях раскрытия и расследования, а также о лицах их совершивших. Информация всех стран-участниц Интерпола поступает в Интерпол и используется для формирования и ведения криминалистических учетов.

Большое значение в деятельности Интерпола отведено и информационному обеспечению международного сотрудничества в противодействии отдельным видам преступлений, в их числе: легализация (отмывание) преступных доходов, финансирование терроризма, организованная преступная деятельность, преступления, посягающие на экономические и социальные основы жизнедеятельности общества, в т. ч. в финансовой сфере, и другие, совершаемые с использованием криптовалюты [Непомнящая, с. 28].

Для установления местонахождения лиц, участвующих в преступной деятельности, Интерполом используется разработанная Генеральным секретариатом специальная система международного обмена информацией. Его роль в координации этой деятельности значительно

возросла, поскольку Интерпол, обладая уникальными инструментами и механизмами, методами и практикой противодействия терроризму во всех его формах и проявлениях, (киберпреступности и др.), способствует организации содействия государствам-членам, международным организациям, проводит значительную работу по распространению опыта противодействия с этим явлением.

Принятые документы конвенционного характера свидетельствуют о том, что роль Интерпола в противодействии преступлениям международного характера, имеющим транснациональный характер, высока. Эта организация поддерживает контакты со всеми международными органами и организациями, с которыми необходимо взаимодействовать в связи с противодействием преступности.

Интерпол предпринимает значительные усилия для противодействия преступности в киберпространстве, применяя новые методы и способы работы, поскольку преступники используют в настоящее время самые новые цифровые технологии, стойкую криптографию, позволяющую им уйти от уголовной ответственности.

Осложняется работа еще и тем, что зачастую они используют теневой бизнес, в т. ч. используют такие цифровые площадки, как Даркнет, TOR, Гидра и др. Поэтому Интерпол объявил об ужесточении деятельности по противодействию преступности с противоправным использованием криптовалюты в Даркнете, поскольку она является площадкой для хакеров всех типов, мошенников и лиц, осуществляющих незаконный оборот оружия, наркотиков и т. п. В этом сегменте Всемирной паутины даже продавались пер-сональные данные пользователей криптовалютных бирж.

В ходе работы по пресечению преступной деятельности в названной сфере им было заключено партнерское соглашение с южнокорейским стартапом S2W Lab, что позволило, с использованием разработанной ими системы мониторинга активности пользователей Даркнета (которая дает

возможность анализировать данные и может выявлять источники подозрительных транзакций, в т. ч. с крипто-валютами), расширить информацию о преступной деятельности для ее пресечения в так называемом «теневом интернете».

В апреле 2015 г. представители Интерпола объявили о разработке криптовалюты в образовательных целях, что позволило изучить методы, тактику и процедуры криминального использования криптовалют. Проведение таких исследований и создание учебной криптовалюты, по мнению Мадана Мохан Оберой, директора по киберинновациям и аутричработе в Глобальном комплексе инноваций Интерпола (IGCI) в Сингапуре, необходимо для повышения эффективности противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты.

Особенность таких разработок, исследование и выявление новых киберугроз, как утверждает исполнительный директор IGCI Нобору Накатани, являются одними из ключевых целей создания Глобального комплекса инноваций Интерпола, достижение которых позволит этой организации распространять полученные результаты среди общественности и правоохранительных органов, а также взаимодействовать в области кибербезопасности для поиска новых решений в борьбе с этими видами преступлений .

Большое значение Интерпол уделяет подготовке сотрудников к работе в новых цифровых условиях. С этой целью организуются тренинги по обучению сотрудников Интерпола, непосредственно участвующих в розыске преступности и отслеживающих незаконное использование криптовалюты [Устинова, с. 86].

Так, например, в 2015 г. подразделение Interpol Global Complex for Innovation (IGCI) организовало пятидневный тренинг. В ходе обучения сотрудников была эмитирована учебная криптовалюта и запущен тренировочный магазин наркотиков по образцу Silk Road. Задачей тренинга являлось обнаружение места размещения подпольного магазина

и блокировка его работы, что позволило агентам одновременно разобраться в организации технической инфраструктуры сети Tor, изучить инструменты, необходимые для работы .

В этих целях открываются учебные заведения, такие как: Анти-наркотический тренировочный Центр, Глобальный учебный центр и Антикоррупционная Академия Интерпола.

Еще одним полицейским ведомством, но на европейском уровне является Европол, который был образован в 1995 г., а в полном объеме начал функционировать с 1 июля 1999 г. 2 Его целью является:

- развитие и координация деятельности между компетентными органами государств в сфере противодействия преступности;

- повышение эффективности сотрудничества компетентных органов государств-членов в предотвращении транснациональной организованной преступности;

- противодействие международному терроризму;

- противодействие иным «тяжким форм преступности» международного характера (всего 24 категории преступных деяний).

В рамках своей деятельности Европол осуществляет обмен информацией, которую предварительно систематизирует и изучает, – для конкретных операций, в которых порой участвует сам, готовит оперативный анализ. Проводит большую работу по получению от государств-членов ЕС и других государств информации о совершенных преступлениях, изучает, обобщает практики и на основе этих данных готовит обобщения и методические рекомендации по противодействию преступности. Более того, ежегодно Евро-пол представляет стратегические доклады; оказывает экспертную и техническую поддержку в проведении расследований и операций на территории ЕС под надзором и ответственностью государств-членов .

В 1993 г. в России, по решению Совета глав правительств стран СНГ, создано Бюро по координации борьбы с отдельными видами

преступлений и организованной преступностью, которое взаимодействует с Европолем и Интерполом. Информационные данные этого банка используются в т. ч. и правоохранительными органами государств-участников СНГ⁴. В рамках СНГ осуществляются совместные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по розыску преступников, противодействию незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, нелегальной миграции, по пресечению контрабанды сырьевых ресурсов и культурных ценностей, деятельности между-народных преступных группировок на транспорте и т. д.

В 2003 г. между РФ и Европолем подписано Соглашение о сотрудничестве, и в 2004 г. приказом МВД России в структуре Национального центрального бюро Интерпола при МВД России создан Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолем (РНКП), целью которого является обмен информацией между компетентными органами (МВД, ФСБ, ФТС, Росфинмониторинг) и Европолем, выработка мер, направленных на усовершенствование механизма этого сотрудничества.

Начиная с 2014 г., ежегодно Европол представляет доклад «Оценка угрозы со стороны организованной интернет-преступности», который пополняется новой информацией о киберпреступности. При этом доклад содержит не только информацию об использовании криптовалют организованной преступностью, но рассматриваются ее инструменты для обеспечения преступности «глубокого» интернета, в т. ч. и сексуальной эксплуатации детей, анонимность услуг которых обеспечивается такими цифровыми платформами, как Tor. Это свидетельствует о том, что правоохранительные органы не всегда могут отследить крупные сделки, совершаемые с использованием криптовалют, поскольку транзакции обеспечены высокой анонимностью, что способствует росту таких преступлений.

Так, например, в аналитическом докладе 2015 г. было уделено внимание деятельности нелегальных крипторынков, годовой оборот которых превышал более чем 20 млн долл. Сделан вывод, что правонарушители в своей преступной деятельности пользуются цифровыми площадками, биржи которых не зарегистрированы или имеют слабую систему идентификации пользователей, а также используют онлайн-гэмблинг либо специальные сервисы, позволяющие пользователям легализовать криптовалюту, добытую преступным путем за сравнительно небольшую плату.

При этом авторы доклада приходят к выводу о необходимости принятия закона на уровне Евросоюза об адекватных мерах регулирования криптовалюты, определения отношений между операторами цифровых валют, правоохранительными органами и банковской системой.

В ходе анализа современного состояния преступности Европол пришел к выводу о том, что существует реальная угроза массового незаконного использования криптовалют в преступных целях, что требует особого подхода и особых знаний в выявлении использования криптовалют в преступных целях. Так, например, криптовалюта в последнее время стала особенно популярной среди торговцев людьми. В частности, преступникам помогает анонимность, которая обеспечивается криптовалютой, что значительно усложняет процесс отслеживания транзакций и поиска подозреваемых.

Однако в большинстве случаев противоправное использование криптовалют связывают преимущественно с легализацией (отмыванием) преступных доходов, что послужило основанием создания в 2016 г. по инициативе Европейской комиссии на базе Европола специальной рабочей группы, которая непосредственно занимается борьбой с легализацией (отмыванием) преступных доходов с использованием криптовалют. В новую структуру вошли представители Интерпола и Базельского института управления (Basel Institute on Governance). Задачами данной

группы является сбор, анализ и обмен неоперативной информацией относительно использования цифровых валют в качестве инструмента легализации (отмывания) преступных доходов, а также следственные действия и изъятие криминальных доходов, хранящихся в цифровой форме. В обязанности этой группы также входит организация и проведение ежегодных семинаров для представителей правоохранительных структур, а также создание сети экспертов и практических специалистов в области криптовалют .

Подтверждением необходимости создания данной группы является рост преступной деятельности с использованием крипто-валюты. Примером может служить схема незаконного оборота наркотиков, которая была раскрыта Европоллом в 2018 г.: действуя через финскую биржу, по этой схеме было легализовано более 8 млн евро путем приобретения криптовалюты. Согласно сообщению, опубликованному 8 апреля 2018 г., представители Европола арестовали 11 человек за легализацию (отмывание) преступных доходов из Испании в Колумбию при помощи криптовалюты и кредитных карт. Правоохранительные органы Испании, Финляндии и США общими усилиями осуществили арест подозреваемых. Согласно заявлению, была расследована деятельность 137 чел., а подозреваемые использовали в общей сложности 174 банковских счета.

Таким образом, можно сделать вывод, что в мировом сообществе по правовому регулированию криптовалютной сферы все страны можно разделить на три группы:

1. Страны, легализовавшие оборот криптовалют (например, Япония, США);
2. Страны, запретившие оборот криптовалют (например, Китай);
3. Страны, которые ещё не приняли никаких мер к правовому регулированию криптовалют и находящиеся в статусе “наблюдателей” (например, Аргентина).

Очевидно, что для предотвращения преступной деятельности с

использованием криптовалют государствам необходимо направить все усилия на незамедлительное реагирование на новые проблемы и угрозы, возникающие в данной сфере. Для этого, в том числе, необходимо изучать и использовать опыт других стран.

ГЛАВА 2. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КРИПТОВАЛЮТЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2.1. КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В первую очередь нам представляется необходимым рассмотреть группу деяний, которая имеет наибольший удельный вес среди всех преступлений, а именно преступления против собственности. Предметом преступлений против собственности является то имущество, которое похищается, эксплуатируется, уничтожается или подвергается иному противоправному воздействию, нарушающему существующие по поводу данного имущества вещные отношения.

Под предметом преступления в уголовно правовой доктрине понимается элемент объекта преступления, та социальная ценность, по поводу которой складываются общественные отношения. Эти социальные ценности всегда индивидуальны и имеют конкретную принадлежность .

Наибольшая часть данных посягательств совершается путем хищения. Под хищением понимается совершенные с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и/или обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Предмет хищения, согласно классическому подходу должен совмещать в себе три составляющих элемента – физическую, экономическую, юридическую .

Традиционно считается, что предметом хищения может выступать только та его разновидность, которая имеет физическую форму. В частности, А.И. Бойцов указывает, что имущество как предмет хищения должно быть вещественным (телесным) предметом материального мира, внешнего по отношению к человеку мира, доступным благодаря своей материальной субстанции чувственному восприятию [Бойцов, с. 65].

Аналогичной позиции придерживается А.Ю. Чупрова, говоря о том, что предмет хищения должен иметь определенное объемное выражение и

восприниматься наглядно – зрительно или с помощью тактильной чувствительности [Чупрова, с. 231].

При использовании такого подхода криптовалюта не может быть предметом хищения, так как она не материальна и существует только непосредственно в системе блокчейн. Вместе с тем, имеется и обратная точка зрения, согласно которой классическая позиция относительно предмета хищения как исключительно предмета материального мира отказывает в защите многим объектам права, признаваемым гражданским законодательством.

Особенно ярко данной позиции придерживается А.В. Шульга, предлагающий отказаться от физического элемента в предмете хищения, что позволило бы распространить действия Главы 21 УК РФ на хищение интеллектуальной собственности [Шульга, с. 72].

Н.А. Лопашенко, указывая на сверхактуальность данного предложения, справедливо отметила, что вслед за новыми реалиями и представлениями меняется правовое регулирование экономических отношений собственности, не замечать которые на уровне уголовного права уже нельзя. По ее мнению, замена традиционного понимания отношений собственности как объекта посягательства на собственность болезненна, однако необходима [Лопашенко, с. 23].

Критика противников отказа от физического элемента предмета хищения заключается в том, что признаки предмета хищения, которые выработаны с определенными трудностями теорией, являются результатом многих исследований на протяжении длительного времени, а проверенное на практике не стоит подвергать сомнению, так как это может повлечь наступление негативных последствий в следственной и судебной практике. Трудно поспорить с утверждением о том, что изменения подхода к учению о предмете хищения вызовут существенные сложности в правоприменительной практике, однако на наш взгляд отсутствие данных изменений создает не меньшие проблемы, что будет продемонстрировано

далее в данной работе.

С учетом современной общественно-экономической обстановки, подход таких исследователей как Н.А. Лопашенко, А.В. Шульги, является более предпочтительным, поскольку классическая концепция относительно предмета хищения как исключительно предмета материального мира отказывает в защите многим объектам права, признаваемым гражданским законодательством.

Классическое учение формировалось в то время, когда появление такого явления как криптовалюта невозможно было представить даже в трудах самых смелых писателей-фантастов, не говоря уже о юридической литературе. Однако, появление новых технологий и внедрение их в хозяйственную деятельность привело к ситуации, при которой целый комплекс новых общественных отношений лишен уголовно-правовой охраны.

В целях демонстрации значения криптовалюты для современной экономики достаточно привести доклад Всемирного экономического форума 2015 г., согласно которому ожидается, что к 2027 г. около 10% мирового валового внутреннего продукта будет сконцентрировано в технологиях, построенных на базе Blockchain .

В этом же контексте следует упомянуть, что к числу объектов, лишенных уголовно-правовой охраны, относятся также и виртуальные объекты в многопользовательских онлайн-играх, рыночная капитализация которых только в Российской Федерации составляет 1,5 миллиардов долларов США .

Таким образом, предлагаемый отказ от физического критерия в учении о предмете хищения является более приемлемым на основании того, что он обеспечивает правовую защиту тех объектов гражданских прав, которые ввиду своей новизны еще не нашли специального регулирования в законодательных нормах, в то время как классический подход не разрешает уже имеющихся практических вопросов, и не

отвечает целям и задачам УК РФ.

Важно отметить, что тенденция по изменению классической доктрины была подхвачена также и Верховным Судом Российской Федерации, который указал, что если предметом преступления при мошенничестве являются безличные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества.

Вторым элементом предмета хищения является экономический, в который входит два самостоятельных, но неразрывно связанных друг с другом признака: имущество должно обладать материальной ценностью и к нему должен быть приложен человеческий труд, вычлняющий его из естественного состояния.

А.И.Бойцов отмечает, что именно аккумуляция предметом посягательств известного количества общественно необходимого труда, дающего ему искомые человеческие свойства, служила решающим критерием отграничения хищения от посягательств на материальные объекты окружающей среды, не подвергавшихся трудовому опосредованию и поэтому, не обладающих меновой стоимостью [Бойцов, с. 82].

Принимая во внимание тот факт, что рыночная стоимость одной единицы биткоина составляет чуть более 410 000 рублей, становится очевидно об обладании им материальной стоимости. Вместе с тем, поскольку технологическая природа коинов (в отличии от служебных токенов) не предполагает наличие какого-либо обеспечения, а вышеуказанная стоимость является рыночной, то есть сформированной на основании спроса и предложения, возникает обоснованный вопрос – как определять стоимость криптовалюты в случае признания ее предметом хищения?

На наш взгляд, для решения данного вопроса следует обратиться к п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которому определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта.

Решая вопрос о возможности служебных токенов быть предметом хищения, а также об определении их стоимости необходимо учитывать изложенное в Главе 1 настоящей работы, а также применить по аналогии положения п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 1980 г. N 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте», согласно которому хищение талонов на горючее и смазочные материалы, которые непосредственно дают право на получение имущества, независимо от использования похищенных знаков по назначению или сбыта их другим лицам должны квалифицироваться как оконченное преступление.

Что касается вопроса о том, подвергается ли криптовалюта воздействию труда для ее формирования, то на него тоже следует ответить положительно, однако с некоторой ремаркой. Так, в Главе 1 настоящей работы нами было установлено, что процесс создания криптовалюты происходит опосредованно от пользователя и без его личного участия. В связи с тем, что процесс майнинга требует направления вычислительных мощностей ЭВМ, что приводит к износу его комплектующих, а также включает в себя затраты на электроэнергию. В данном случае это означает, что внутренняя стоимость биткоина зависит только от работы, и при этом весьма тяжелой. По сути, основное отличие этой работы заключается в высокой сложности вычислений. Чем сложнее вычисления, тем больше

ресурсов требуется для их выполнения, и в первую очередь электроэнергии. Некоторые специалисты по криптоэкономике доказывают, что именно эта работа придает биткоину реальную внутреннюю стоимость.

Таким образом, элемент человеческого труда, хоть и выражающейся в виде труда принадлежащего ему инструмента, присутствует в криптовалюте, что свидетельствуют о наличии в ней экономического элемента.

Ответ на вопрос о наличии в криптовалюте юридического элемента, который заключается в том, что предмет хищения должен находиться в свободном гражданском обороте и быть «чужим» для виновного, с учетом изложенного в первой главе настоящей работы является положительным.

Воспользовавшись приведенными рассуждениями в качестве методологической основы и взяв на вооружение соответствующий терминологический аппарат, нам представляется правильной точка зрения А.В.Шульги, замечаящему, что основным признаком предмета посягательства против собственности должна быть признана не материальная природа и создание человеческим трудом, а его действительная или потенциальная коммерческая ценность, способность быть товаром, то есть участвовать в легальном экономическом обороте. В условиях рыночных отношений и информационного общества товарные свойства предмета проявляются вне зависимости от его материальной природы и вложений человеческого труда [Шульга, с. 82].

На наш взгляд, подобного рода подхода является предпочтительней позиции Вехова В.Б., рассматривающего криптовалюту в качестве предмета преступного посягательства исключительно как разновидность компьютерной информации, тем самым упуская из внимания ее экономическую функцию [Вехова, с. 142].

Приняв за основу предлагаемый исследователями новаторский подход, существенно расширяется количество преступлений против

собственности, в которых криптовалюта может быть предметом преступления – отсутствуют преграды для признания криптовалюты предметом в преступлениях, выражающихся в хищении. Однако, при таком подходе появляются новые проблемы при квалификации преступлений, а именно отграничение преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ от преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ.

К примеру, возможна ситуация, в которой злоумышленник оказался рядом с персональным компьютером собственника криптовалюты и, воспользовавшись его отсутствием, перевел всю имеющуюся криптовалюту с его личного счета на свой. Или предположим, что злоумышленник с использованием телекоммуникационной сети интернет смог удаленно установить на компьютер потерпевшего программное обеспечение, изменяющее информацию о направлении всех транзакций, идущих со счета собственника, на свой – как квалифицировать в этом случае? Для решения этих вопросов необходимо проанализировать вышеуказанные составы преступлений.

Итак, под кражей в УК РФ понимается хищение чужого имущества, обязательным элементом которого является признак тайности. Признак тайности и корреспондирующий ему признак открытости при грабеже характеризуется двумя составляющими: объективной и субъективной. Объективная составляющая предполагает отсутствие восприятия этого хищения как открытого со стороны кого бы то ни было помимо самого виновного, в то время как субъективная составляющая предполагает, что само лицо относится к совершенному деянию как к тайному.

Однако, поскольку криптовалюта не существует в виде документа или отдельного электронного файла, а находится лишь внутри сети, любые действия по неправомерному изъятию и обращению криптовалюты возможны только при взаимодействии с системой передачи и обработки компьютерной информации. Означат ли это, что криптовалюта не может

быть предметом кражи, поскольку действия должны быть квалифицированы по статье 159.6 УК РФ?

Отличительной характеристикой деяние, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ является способ совершения хищения – путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Для решения второго казуса необходимо обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48, согласно которым вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) - ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него .

Из изложенного следует, что криптовалюта не может быть предметом преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Что касается решения вышеуказанных казусов, то на наш взгляд в обоих случаях правильной будет являться квалификация содеянного по ст. 159.6 УК РФ, лишь с той разницей, что неправомерный доступ к компьютерной информации посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ не охватывается объективной стороной ст.159.6 УК РФ, в связи с чем во втором примере данные действия требуют дополнительной квалификации по ст. 273 УК РФ.

Особый интерес вызывает также вопрос о разграничении ст. 159 УК РФ и специальных видов мошенничества, который мы предлагаем рассмотреть на конкретных примерах из практики.

Мировая практика знает немало случаев, когда злоумышленники завлекали средства на счет созданной ими организаций путем введения потерпевших в заблуждение и обещания высоких процентов по вкладам, а получив достаточно средств, прекращали деятельность и исчезали вместе с имуществом. Ярким представителем финансовой пирамиды нового типа является вышеупомянутый холдинг Кэшбери, продукт которого – Cashbery Coin – использовался в качестве инструмента для привлечения вложений со средней ставкой от 0,5% до 1,5% в сутки. Привлеченные средства якобы использовались для предоставления микрозаймов частным лицам (посредством микрофинансовых организаций), а также малому и среднему бизнесу. Однако, в реальности Кэшбери оказалось не более чем финансовой пирамидой, функционирующей по «классической» преступной схеме, известной как пирамида Понци, о чем свидетельствует факт использования сетевого маркетинга, дающего бонусы за каждого приведенного участника.

На первый взгляд проблема в квалификации действий создателей Кэшбери, ущерб от деятельности которой составил как минимум 1 миллиард рублей, заключается в том, что в обмен на денежные средства участники получали криптовалюту. Однако, безвозмездное изъятие имущества будет иметь место не только в случае отсутствия встречного предоставления, но и в случае, когда предоставление имеет место быть, однако оно не эквивалентно стоимости изъятого. Таким образом, действия руководителей Кэшбери следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ, однако с той оговоркой, что предметом преступления в данном случае будут являться не криптовалюта, а денежные средства.

Продолжая исследование выделенной проблематики, отметим, что имеется положительный опыт возбуждения уголовных дел по 159 ст. УК

РФ, предметом посягательства в которой являлась криптовалюта. Так, 16 декабря 2017 г. у жительницы города Москвы неизвестный, путем мошеннических действий похитил из криптокошелька на бирже ЕХМО 0,6 биткоина, стоимостью 600 000 рублей. В ходе проверочных мероприятий установлено, что пенсионерке поступило предложение от неизвестного мужчины за определенный процент произвести обмен принадлежащие ей 0,6 биткоина на 600 000 рублей. Однако, не имея намерений выполнять условия договоренности, мужчина посредством удаленного доступа перевел указанную ВТС с электронного кошелька потерпевшей и скрылся.

Другой распространенной в мировой практике преступной схемой является хищение криптовалюты с использованием ICO. Изначальным базисом происхождения такого явления как ICO стала идея о том, что традиционные формы привлечения инвестиций, такие как IPO из-за высоких требований, установленных законодательством практических всех стран с развитой рыночной экономикой, недоступным высокотехнологичным компаниям, имеющим перспективный проект, но не имеющим достаточно средств для его реализации. Предполагалось, что привлечение инвестиций в виде денежных средств или криптовалюты в обмен на инвестиционные токены поможет компаниям в реализации данных проектов, а инвесторы получают выгоду в виде дивидендов. Касалось бы, придуман новый инвестиционный инструмент, который позволит преодолеть многочисленные «бюрократические препятствия» для привлечения капитала малым бизнесом.

Столь высокие требования к эмитенту, которые законодательство мировых стран предъявляет к процедуре IPO, установлены с целью защиты инвесторов от утраты своих средств в результате недобросовестных действий эмитентов, разработка которых стала следствием горько опыта от преступных действий на рынках ценных бумаг.

Так, злоумышленники осуществляют привлечение финансирования для реализации какого-либо высокотехнологического продукта,

предоставляя инвестором взамен инвестированной криптовалюты или денежных средств инвестиционные токены, гарантирующие высокую прибыль после реализации проекта, но после сбора определенной суммы «сворачивают» проект и исчезают вместе со всеми вложениями. В качестве одного из многочисленных примеров можно привести действия организаторов ICO Venebit, в результате которых была похищена криптовалюта общей стоимостью в 4 миллионов долларов США.

Основываясь на анализе вышеуказанных примеров, следует сделать вывод о том, что при решении вопроса о разграничении составов, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ необходимо исходить из способа, каким совершается хищение в каждом конкретном случае. Так, если передача потерпевшим злоумышленнику происходит в результате обмана, то есть в результате предоставления заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, то содеянное следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ. В случае, если хищение происходит без участия и воли собственника, то есть путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, то содеянное, при отсутствии в деянии признаков более специальных уголовно-правовых норм, содеянное следует квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ.

Таким образом, действия организаторов ICO Venebit обладают признаком состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Весьма интересным является вопрос о возможности кредитных токенов быть предметом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ. По смыслу закона кредитором в статье 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ) . Согласно ст. 819 ГК РФ по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и

на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею.

Из изложенного следует, криптовалюта не может быть предметом в преступлении, предусмотренном ст. 159.1 УК РФ, поскольку данная статья охватывает только хищения денежных средств, полученных от банка или иной кредитной организации.

При первичном прочтении диспозиции ст. 159.3 УК РФ может показаться, что данная норма является специальной по отношению к вышерассмотренным, поскольку охватывает все возможные способы мошенничества, совершенные с использованием электронных средств платежа, а ранее изложенные в работе выводы являются ошибочными, однако это не так.

Так, под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств .

Поскольку в первой главе данной работы нами было установлено, что криптовалюта ни в одном из ее проявлений не является электронным денежным средством, она не может выступать предметом преступления в данном составе.

Продолжая вести речь о возможности криптовалюты быть предметом преступления в преступлениях против собственности, обратимся к делу криптовалютой биржи WEX, который является ярким примером хищения на криптовалютных биржах – виртуальных площадках, размещенных в сети интернет, на которой осуществляется торговля и обмен одной цифровой валюты на другую либо на разные мировые валюты, включая доллары, евро, рубли и юани. Для осуществления

процедуры обмена пользователь должен был пройти регистрацию на сайте, после чего он получал своеобразный аналог электронного кошелька, через который и осуществлялись все операции. Доход биржи заключается в комиссионных отчислениях за проведение обменных операций, размер которых составлял 1-2% от суммы сделки [Боровиков, с. 42].

В июле 2018 года администрация WEX «по техническим причинам» заблокировала функцию вывода криптовалют с электронных кошельков пользователей, в результате чего они лишились доступа к принадлежащей им криптовалюте, приблизительная стоимость которой оценивается в 350-500 миллионов долларов США.

После обращения потерпевших в правоохранительные органы, было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения достаточных данных, указывающих на наличие признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Несмотря на то, что возбуждение уголовного дела по факту хищения криптовалюты является хорошим знаком, свидетельствующем о том, что правоохранительные органы начали осваивать борьбу с противоправными действиями в отношении нового объекта гражданского оборота, на наш взгляд правоохранительными органами дана не совсем верная квалификация содеянного.

Так, из анализа п.1.1. пользовательского соглашения, размещенного на сайте биржи и являющегося публичной офертой следует, что после прохождения процедуры регистрации на сайте между пользователем и WEX заключался агентский договор, предметом которого было оказание WEX действий по приему и производству платежей. Принимая во внимание тот факт, что переданное принципалом в рамках исполнения договора агенту криптовалюта обладает признаком вверенности, который выражается в возможности осуществления злоумышленником в отношении нее в силу договорных отношений определенных полномочий по распоряжению, управлению, хранению, возникает вопрос о

возможности криптовалюты быть предметом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Поскольку деяние, предусмотренное ст. 160 УК РФ, является лишь одной из форм хищения, отличительный признак которого заключается в характеристике предмета хищения как вверенного злоумышленнику. Из изложенного следует, что криптовалюта может быть предметом преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, по которой и следует квалифицировать действия руководителей биржи WEX.

Некоторые исследователи, скептически оценивая возможность отказа от материального критерия в учении о предмете хищения, опасаются, что последствием станет необходимость переработки диспозиций ключевых уголовно-правовых норм. В частности, сторонники классического подхода к учению о предмете хищения отмечают, что отказ от материальности предмета хищения приведет к тому, что криптовалюта сможет стать предметом преступлений, предусмотренных статьями 161 и 162 УК РФ. Действительно ли это так? Решение данного вопроса мы предлагаем рассмотреть на нескольких примерах.

В январе 2018 года в Таиланде супружеская пара граждан Российской Федерации стала жертвой нападения своих соотечественников. Двое неизвестных ворвались в их дом, а затем, угрожая причинением тяжкого вреда здоровью, заставили перевести биткоины, рыночной стоимостью в 100 000 долларов США, на сторонний счет, после чего скрылись.

Основным определяющим признаком разбоя, отличающим его от иных форм посягательств на собственность, является открытый характер действий виновного, при котором изъятие и обращение имущества происходит с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. При этом, при решении вопроса об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием, следует учитывать, что при грабеже и разбое

насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем. Руководствуясь изложенным, следует сделать вывод о возможности квалификации действия злоумышленников по ст. 162 УК РФ.

Положительно стоит ответить и на вопрос о возможности криптовалюты быть предметом посягательства в ст. 161 УК РФ, однако с некоторым нюансом. Как было нами ранее установлено, криптовалюта не может быть предметом кражи, а деяние следует квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ. Таким образом, в случае, если при вышеописанной ситуации с хищением криптовалюты с оставленного без присмотра персонального компьютера, действия виновного обнаруживаются собственником, но он прекращает преступное посягательства, то его действия следует квалифицировать как покушение на ст. 159.6 УК РФ, а не на 158 УК РФ.

Особой трудности не вызывает вопрос о возможности криптовалюты быть предметом преступления, предусмотренным ст. 163 УК РФ. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» к предмету вымогательства относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права. Несмотря на тот факт, что иное имущество, коим и является криптовалюта, не поименовано в данном перечне, она может выступать в качестве предмета преступления, поскольку иное противоречило бы положениям ст. 128 ГК РФ и основополагающим

принципам уголовного закона.

Еще одним примером правоприменительной практики, свидетельствующим о необходимости решения вопросов об уголовно-правовом регулировании криптовалюты является дело, рассмотренное Муромским городским судом Владимирской области. Из материалов дела № 1-294/2018 следует, что в январе 2017 года Морозов В. А. использовал вредоносные компьютерные программы для получения незаконного удаленного доступа к серверам, функционирующим в диапазоне Государственной интегрированной системы телекоммуникаций одного из регионов РФ. После нейтрализации средств защиты, содержащейся на них компьютерной информации, и ее последующей несанкционированной модификации путем установки программы-майнера и использования вычислительных мощностей этих ЭВМ при осуществлении майнинга, с последующей конвертацией полученных электронных условных единиц и достижения конечного преступного результата - извлечения для себя имущественной выгоды, исчисляемой денежными средствами. Суд признал Морозова В. А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 273 УК РФ и назначил ему в виде ограничения свободы на срок 1 год 8 месяцев.

Данное дело является ярким примером работы нового вида вредоносного программного обеспечения, которое, после его установки злоумышленниками на ЭВМ пользователей, задействует их вычислительные мощности в майнинге. В результате данных действий злоумышленники получают криптовалюту, которую должен был получить потерпевший.

На наш взгляд, Муромский городской суд Владимирской области, верно квалифицировав действия Морозова В. А. в части создания и распространя вредоносных программ, упустил из внимания тот факт, что посредством данного программного обеспечения злоумышленником получена имущественная выгода за счет потерпевшего. Представляется,

что подобного рода действия требуют отдельной квалификации по ст. 165 УК РФ.

Практика, в том числе высшего судебного органа, говоря о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения и указывая на главный отличительный признак этих деяний, исходит из того, что ст. 165 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за действия, не связанные с изъятием имущества, денежных средств у собственника и его незаконным обращением в пользу виновного или других лиц. Имущественный ущерб, причиняемый при совершении данного преступления, заключается не в прямых убытках, как при хищении, а в неполучении должного, в упущенной выгоде [Безлепкин, с. 20].

Таким образом, поскольку неполучение собственником ЭВМ причитающейся криптовалюты в вышеописанном случае является упущенной выгодой, следует сделать положительный вывод о ее возможности быть предметом в преступном деянии, предусмотренном ст. 165 УК РФ.

Завершая анализ возможности криптовалюты быть предметом в преступлениях, предусмотренных главой 21 УК РФ, следует затронуть вопрос о возможности уничтожения или повреждения криптовалюты как умышленно, так и по неосторожности. Как было отмечено ранее, криптовалюта не существует вне системы блокчейн в виде отдельного в виде документа или отдельного электронного файла, в связи с чем возможность ее фактического уничтожения или повреждения технологически нереализуема.

Вместе с тем, утрата пароля от электронного криптовалютного счета означает утрату собственником возможности пользования и распоряжения ей. Означает ли это, что в случае удаления файла с паролем, действия лица следует, в зависимости от умысла и иных признаков, квалифицировать по ст. 167 УК РФ и ст. 168 УК РФ? На наш взгляд, данное деяние

(исключительно при наличии умысла) следует квалифицировать по ст. 272 УК РФ, то как есть неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшее ее уничтожение.

Перед тем как переходить к анализу возможности криптовалюты быть предметом в преступлениях в сфере экономической деятельности, нам представляется необходимым определить, является ли майнинг предпринимательской деятельностью?

В первоначальной редакции проекта федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах» майнинг определялся как предпринимательская деятельность, направленная на создание криптовалюты и/или валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты, но только в случае, если ли майнер в течение трех месяцев подряд превышает лимиты энергопотребления, которые установит правительство. Однако в дальнейшем данная дефиниция была исключена из законопроекта.

Несмотря на это, на наш взгляд майнинг является предпринимательской деятельностью, поскольку обладает признаками ее признаками, а именно является деятельностью, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Таким образом, само по себе систематическое занятие майнингом без регистрации юридического лица или приобретения статуса индивидуального предпринимателя в случае извлечения дохода, превышающего два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, будет образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

Стоит отметить, что вопрос о признании майнинга в качестве предпринимательской деятельности является предметом бурных дискуссий не только в Российской Федерации, но и в зарубежных странах. Вместе с тем, большинство членов мирового сообщества выступает за то, что деятельность по обмену криптовалюты на фиантые денежные средства

однозначно является предпринимательской, что находит свое подтверждение в судебной практике.

Так, Свердловский районный суд города Костромы 16 июля 2018 года вынес приговор по делу № 1-416/2017, признав подсудимых Диденко Е.А., Диденко Е.Н., Ермолина В.В. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ. В ходе судебного следствия было установлено, что подсудимые, обладая знаниями в сфере компьютерных технологий и финансов, объединились в устойчивую организованную группу с целью систематического получения прибыли в крупном размере от предоставления неопределённому кругу заинтересованных лиц (клиентов) посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет» возмездных услуг по обмену криптовалюты на денежные знаки Российской Федерации. За все время преступной деятельности общая сумма по всем операциям превысила 530 000 000 рублей, а доход злоумышленников составил 2 685 730,15 руб.

Знаменательным событием в отечественном правовом поле стало появление новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда от 7 июля 2015 г. N 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем", п. 1 которого был дополнен абзацем следующего содержания: «исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления».

Несмотря на то, что Верховный суд в качестве предмета преступления указывает только денежные средства, преобразованные из

криптовалюта, из анализа содержания вышеуказанного явствует, что данная криптовалюта должна быть приобретена в результате преступления. Таким образом, в истории отечественного уголовного законодательства правоприменитель впервые указал, хоть и косвенно, на возможность криптовалюты быть предметом и способом в преступлениях, предусмотренных УК РФ. Представляется, что технологические особенности криптовалюты являются основным криминогенным фактором, обуславливающим ее использование при легализации преступных доходов, поскольку легализация по своей природе направлена именно на сокрытие источника происхождения средств.

Однако, указание именно на денежные средства может ввести в заблуждение относительно возможности криптовалюты быть предметом преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ. Так, диспозиции данных составов в целом похожи и различаются только по отношению к признаку предмета: в ст. 174 УК предметом выступает денежные средства и иное имущество, приобретенное заведомо преступным путем другими лицами, а ст. 174 УК говорит о ценностях, полученных лицом в результате собственных преступных действий. В свою очередь, под финансовыми операциями следует понимать действия с денежными средствами, ценными бумагами и иным имуществом независимо от формы и способов их осуществления. Таким образом криптовалюта в преступлениях, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ может рассматриваться как предмет преступления, так как является иным имуществом.

Что же касается ст. 175 УК, то предметом данного преступления является имущество, заведомо добытое преступным путем. При этом под имуществом понимается любое имущество из перечисленных в ГК РФ. Похожее отношение к предмету содержится и в ст. 179 УК РФ – им могут быть сделки с любым имуществом, являющимся объектом гражданских прав.

Вопрос о возможности криптовалюты быть предметом преступлений, предусмотренных ст. 185 УК решается на основании отношения предмета к ценным бумагам. Напоминаем, что на сегодняшний день ни одна из существующих криптовалют не может быть признана предметом данного преступления. Однако, необходимо обратить внимание тот факт, что инвестиционные токены, по своей природе, в целом отвечают требованиям, предъявляемым к бездокументарным ценным бумагам. Следовательно, в случае признания их ценными бумагами и создании правового регулирования процедуры эмиссии, они, в перспективе, могут быть предметом в вышеуказанном составе.

Принимая во внимание тот, что криптовалюта, в любом своем проявлении, несмотря на свое название, не является валютой или денежным средством, рассуждения о возможности признания ее в качестве предмета преступлений, предусмотренных ст. 187, 193, 193.1, 200.1, 200.3 УК РФ, являются излишними.

Завершая анализ преступлений в сфере экономической деятельности следует обратиться к анализу ст. 199.2 УК РФ. Объективная сторона в рассматриваемой статье характеризуется действием по сокрытию денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере.

Верховный суд Российской Федерации, раскрывая объективную сторону данного состава, указывает, что в соответствии с налоговым законодательством под денежными средствами и имуществом организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых в установленном порядке должно производиться взыскание недоимки по налогам и (или) сборам, понимаются денежные средства налогоплательщика (плательщика сборов) на счетах в банках, их наличные денежные средства, а также иное

имущество, перечисленное в статьях 47 и 48 НК РФ . Ввиду того, что ст. 47 и 48 НК РФ устанавливает запрет на взыскание налога только в отношении имущества, предназначенного для повседневного личного пользования индивидуальным предпринимателем и физическим лицом или членами его семьи, возможно предположить, что криптовалюта может быть признана предметом в преступлении, предусмотренном ст. 199.2 УК РФ.

Основываясь на том, что преступления, предусмотренные ст. 204, 204.2, 290,291 и 291.2 УК РФ по своей уголовно-правовой характеристике имеют смежный объект в виде интересов службы, различаясь по ее форме (коммерческой, государственной или муниципальной), а признак предмета обладает общими характеристиками во всех составах, нам представляется целесообразным рассмотреть возможность криптовалюты быть предметом преступления на примере ст. 290 УК РФ, экстраполировав полученные результаты на остальные перечисленные составы.

Итак, диспозиция статьи 290 УК РФ предусматривает возможность реализации объективной стороны преступления путем получения должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав за совершение действий (бездействия). Как было уже ранее отмечено, из указания в диспозиции состава на возможность иного имущества быть предметом преступления следует, что криптовалюта может рассматриваться в качестве такового.

Примечательно, что несмотря на то, что использование криптовалюты в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа существенно осложняет проведение следственных мероприятий, сужая и без того малую доказательственную базу, Управление собственной безопасности ФСБ России смогло пресечь одно из таких деяний. Так, в апреле 2019 года в Москве были задержан старший следователь по особо

важным делам Следственного управления ФСБ С. Белоусов, который подозревается в вымогательстве взятки в биткоинах, общей рыночной стоимостью в 65 миллионов рублей. После получения информации о факте вымогательства взятки, потерпевшими, под руководством сотрудников правоохранительных органов, была произведена операция по обмену 3 миллионов рублей на биткоины и их перечисление на указанный подозреваемым крипто-счет, после чего он был задержан.

В описанном случае подозреваемым был четко определен рублевый эквивалент полученной взятки, в связи с чем вопрос об установлении ее размера не возникает. Однако, возможны ситуации, при которых взятка или коммерческий подкуп передаются в несколько этапов, а в связи с тем, что рыночная стоимость криптовалюты характеризуется весьма существенными колебаниями, возникает вопрос касательно определения размера незаконно полученного вознаграждения.

Важно отметить, что согласно разъяснениям, указанным в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2014 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" (с изменениями и дополнениями)» для решения вопроса о квалификации содеянного переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта. Кроме того, получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей.

Совокупность вышеуказанных положений позволяет сделать вывод о том, что, квалифицируя размер незаконно полученного служащим вознаграждения, следует исходить из рыночной стоимости криптовалюты

на момент передачи первой части данных ценностей.

Технологическая особенность криптовалюты также проявляется в преступлениях, предусмотренных ст. 204.1 и 291.1 УК РФ. Особого внимания требует вопрос о возможности непосредственной передачи незаконного по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Объективная сторона в данном составе альтернативна и может быть в виде непосредственной передачи незаконного вознаграждения по поручению взяткодателя или взяткополучателя, обещание передачи взятки, предложение передачи взятки, иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении или реализации ими соглашения о даче (получении) взятки.

Технологические принципы работы блокчейна функционируют таким образом, что все пользователи, участвующие в майнинге, принимают непосредственное участие в осуществлении транзакций между всеми пользователями. Следует ли из этого вывод о том, что все пользователи будут являться посредниками при передаче взятки или коммерческого подкупа? Мы полагаем, что нет. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 204.1 и 291.1 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла. В связи с этим, для квалификации действий лица в качестве посредника при получении служащим незаконного вознаграждения необходимо, чтобы он осознавал, что участвует именно в передаче незаконного вознаграждения.

Из вышеизложенного следует сделать вывод о том, что при совершении указанных деяний состав преступления будет образовываться только в том случае, если субъект А. по договоренности с субъектом Б. перевел на его кошелек криптовалюту для передачи её В. в качестве незаконного. В данном случае состав будут образовывать только действия Б, а не всех участников сети (несмотря на то, что все они фактически участвуют в передаче).

Таким образом, в ходе системного анализа правовой природы

криптовалюта и уголовно-правовой характеристики составов удалось установить, что криптовалюта может выступать в качестве предмета преступления в составах, предусмотренных ст. 159, 159.6, 160, 161, 162, 163, 174, 174.1, 175, 179, 199.2, 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ.

2.2. КРИПТОВАЛЮТА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Приступая к анализу уголовно-правовых норм на предмет возможности криптовалюты выступать способом совершения преступления, прежде всего необходимо дать определение данному элементу объективной стороны состава преступления.

Учение о способе совершения преступления и его месте в уголовно-правовой характеристике состава имеет долгую историю. Так, еще С. Таганцев указывал, что способ действия может служить основанием для усиления уголовной ответственности, для классификации преступных действий и, хотя и в немногих случаях, служить основанием разграничения уголовно наказуемой и неправды.

Как верно замечает Н. И. Панов, способ присущ всякому волевому поведению человека и поэтому имманентен преступлению как явлению реальной действительности, имеет место всегда, и в структуре преступного посягательства способ внутренне присущ действию, скрыт в нем, образует его специфическое содержание и при этом определяет форму внешнего проявления действия и преступления в целом [Панов, с. 76].

Однако, он будет иметь значение для квалификации содеянного только в случае, если законодатель включил его в диспозицию отдельной уголовно-правовой нормы, наделив тем самым его свойствами действия (бездействия), применяемого преступником для достижения преступного результата.

Вместе с тем, в ряде норм уголовного закона криптовалюта, хоть и

являясь способом совершения преступления в широком его понимании, не являясь элементом объективной стороны состава не будет оказывать влияния на квалификацию содеянного.

В качестве примера можно привести случаи использования криптовалюты в качестве способа приобретения и сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также оружия и боеприпасов. Использование криптовалюты в качестве инструмента для приобретения и сбыта ограниченных и изъятых из гражданского оборота товаров с каждым годом приобретает все большую популярность в преступной среде, поскольку система блокчейн, в отличие от традиционной системы оплаты с использованием банковской системы, обладает анонимностью и затрудняет процесс установления всех участников сделки и отслеживания путей прохождения средств оплаты [Боровиков, с. 73].

Вместе с тем, диспозиция составов ст. 222, 221, 228, 228.1, 228.3 и 228.4 УК РФ сформулирована таким образом, что конкретный способ приобретения или сбыта, будь то покупка, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в уплату долга, в обмен на другие товары и вещи, не будет иметь значение при квалификации содеянного.

Что касается способа совершения преступления как элемента объективной стороны, то доминирующей в уголовно-правовой доктрине является точка зрения, при которой под способом понимается совокупность приемов, которую использует лицо при совершении того или иного преступления. Из изложенного следует, что решение вопроса о возможности криптовалюты выступать в качестве способа совершения преступления будет иметь непосредственное значение для определения преступности конкретного деяния.

Под одним из способов осуществления преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, является финансирование терроризма, под которым понимается предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств. В соответствии с примечанием к ст. 205.4 УК РФ, под поддержкой терроризма понимается оказание материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующее осуществлению террористической деятельности.

Говоря о возможности криптовалюты быть способом совершения преступлений, предусмотренных ст. 282.3 УК РФ, в диспозиции которой говорится об предоставлении или сборе средств, а также об оказании финансовых услуг, предназначенных для финансирования экстремистской организации, необходимо обратиться к разъяснениям, изложенным в п. 22.1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которым финансированием экстремистской деятельности следует признавать наряду с оказанием финансовых услуг предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности.

В ст. 359 УК РФ законодатель сформулировал диспозицию практически аналогичным образом, предусмотрев среди альтернативных деяний, образующих состав преступления, также финансирование или иное материальное обеспечение наемника.

Несмотря на то, что криптовалюта по своей природе нематериальна, на наш взгляд, она может быть способом совершения данных преступлений, поскольку ее экономическая ценность позволяет

использовать ее в качестве альтернативного средства финансирования.

Таким образом, в ходе системного анализа правовой природы криптовалюты и уголовно-правовой характеристики составов удалось установить, что криптовалюта может выступать в качестве способа совершения преступления в составах, предусмотренных ст. 205.1, 205.4, 282.3, 359 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку на сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует законодательно закрепленное определение термина криптовалюта, нами был приведен анализ ее технологической природы, в результате которого было предложено использовать термин криптовалюта в качестве родового понятия, означающего электронные платежные средства, учет операций с которыми осуществляется децентрализованно на основании хешированной информации по заранее установленным правилам без кого-либо внешнего администрирования.

Путем системного анализа положений отечественного законодательства, а также с учетом научно-практического опыта зарубежных стран, было установлено, что отсутствие специального правового регулирования криптовалюты хоть и затрудняет ее использование, тем не менее не является препятствием для ее применения в гражданском обороте, поскольку с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий необходимо квалифицировать криптовалюту как иное имущество (ст. 128 ГК РФ), допустив максимально широкое толкование данного термина.

Понятие цифровой валюты сформулировано следующим образом: «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их

отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Существует как минимум четыре варианта правовой природы криптовалюты, причем в разных странах порой одновременно применяются несколько вариантов. Итак, криптовалюта – это:

- средство платежа;
- товар;
- ценные бумаги;
- денежный суррогат.

В мировом сообществе по правовому регулированию криптовалютной сферы все страны можно разделить на три группы:

1. Страны, легализовавшие оборот криптовалют (например, Япония, США);
2. Страны, запретившие оборот криптовалют (например, Китай);
3. Страны, которые ещё не приняли никаких мер к правовому регулированию криптовалют и находящиеся в статусе “наблюдателей” (например, Аргентина).

Очевидно, что для предотвращения преступной деятельности с использованием криптовалют государствам необходимо направить все усилия на незамедлительное реагирование на новые проблемы и угрозы, возникающие в данной сфере. Для этого, в том числе, необходимо изучать и использовать опыт других стран.

Вопреки распространённому мнению, действующая редакция УК РФ позволяет рассматривать криптовалюту в качестве предмета и способа совершения преступления, частично обеспечивая уголовно-правовую защиту общественных отношений, складывающихся по поводу ее использования в обороте.

Вместе с тем, поскольку современный этап развития уголовного законодательства напрямую связан с происходящими в мире фундаментальными технологическими и экономическими

преобразованиями, сам факт существования которых ставит под сомнение незыблемость некоторых доктринальных положений уголовно-правовой науки, в истинности которых ранее невозможно было усомниться, нам представляется необходимым изменить общепринятый подход к учению о предмете хищения, отказавшись от физического критерия.

Нам видится, что в дальнейшем уголовно-правовая наука еще не однократно будет сталкиваться с совершенно новыми для себя явлениями, которые неизбежно приведут к противоречиям между классическим, сформировавшимся веками доктринальными положениями и необходимостью выполнения задач уголовного закона по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств.

Предполагается, что для предотвращения подобных проблем необходимо направить усилия государственных органов и научного сообщества на незамедлительное реагирование на новые вызовы, выявление потенциальных проблем и угроз, связанных с появлением новых явлений в отечественном правовом поле. Одним из вариантов решения является создание полноценной постоянно действующей комиссии из ведущих специалистов в областях уголовного права, правового регулирования в сфере IT технологий, а также технических специалистов в данной области.

В ходе системного анализа правовой природы криптовалюты и уголовно-правовой характеристики составов, используя предлагаемый новый подход к пониманию предмета хищения, удалось установить, что криптовалюта может выступать в качестве предмета преступления в составах, предусмотренных ст. 159, 159.6, 160, 161, 162, 163, 174, 174.1, 175, 179, 199.2, 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, а также выступать в качестве способа совершения преступления в составах, предусмотренных ст. 205.1, 205.4, 282.3, 359 УК РФ. В связи с выявленным

трудностями в правоприменительной практики, нам представляется необходимым рассмотреть вопрос о внесении изменений в Постановления Пленума Верховного суда, посвященные вышеуказанным составам, содержащие разъяснения относительно возможности выступления криптовалюты в качестве элемента состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. – 2014. – 7 авг. – (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 дек.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 17 июня 1996 г. — № 25 Ст. 2954
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ "О валютном регулировании и валютном контроле". [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)». [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Судебные акты

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности".

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 N 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.1980 N 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 N 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления».

13. Постановления Пленума Верховного Суда от 7 июля 2015 г. N 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем..

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

15. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 15 мая 2018 года по делу № А40-124668/2017.

16. Приговор Муромского городского суда Владимирской области от 5 декабря 2018 года по делу 1-294/2018.

17. Приговор Свердловского районный суд города Костромы от 16 июля 2018 года по делу № 1-416/2017.

Научная, научно-учебная, научно-методическая литература

18. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И. А., Улезько С. И. — М.: Проспект. 2020. 768 с.

19. Актуальные проблемы уголовного права. / под ред. Иногамовой-Хегай Л.В. — М.: Проспект. 2019. 232 с.

20. Барыгина А. А. Доказывание в уголовном процессе. Оценка отдельных видов доказательств. Учебное пособие для вузов. — М.: Юрайт, 2019. 277 с.

21. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах. Учебное пособие. — М.: Проспект, 2020. 304 с.

22. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 608 с.

23. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 304 с

24. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Уголовный процесс. Учебник для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2019. 490 с.

25. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум. Учебное пособие. — М.: Юрайт. 2019. 376 с.

26. Боровиков В. Б., Смердов А. А. Уголовное право. Общая часть. Учебник. / под ред. Боровиков В. Б. — М.: Юрайт. 2020. 250 с.

27. Бриллиантов А. В. Уголовное право в таблицах и определениях. 2-е издание, исправленное и дополненное. — М.: Эксмо. 2019. 624 с.

28. Бриллиантов А. В., Четвертакова Е. Ю. Уголовное право

Российской Федерации в схемах. Учебное пособие. — М.: Проспект. 2020. 624 с.

29. Бычков В.В., Вехов В.Б. Специальные знания, обеспечивающие расследование преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь. 2018. N 2. С. 8 - 11.

30. Волженкин, Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее / Б. В. Волженкин // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы научной конференции, посвященной памяти профессора М. Д. Шаргородского (к столетию со дня рождения). 1-2 июля 2004 г., Санкт-Петербург / С.-Петерб. гос. ун-т, Юрид. фак. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005 год.

31. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. — М.: Статут, 2017. 1280 с.

32. Голубовский В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник. — М.: Проспект. 2020. 736 с.

33. Гриненко А. В. Уголовный процесс. Учебник и практикум. — М.: Юрайт, 2020. 308 с.

34. Джинджолия Р. С., Боровиков В. Б. Российское уголовное право. В 2 частях. Общая часть. Учебно-наглядное пособие (схемы). — М.: Прометей. 2018. 158 с.

35. Звечаровский И. Э., Бимбинов А. А., Боженок С. А., Грачева Ю. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник. / под ред. Звечаровский И. Э. — М.: Проспект. 2020. 688 с.

36. Зуев Ю.Г. Уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей: курс лекций. Москва: Проспект, 2018. 168 с.

37. Интернет-право. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/ В. В. Архипов // М.: Юрайт, 2016 г.

38. Капинус О.С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 томах. Том 2. Учебник для академического бакалавриата. — М.: Юрайт. 2017. 504 с.

39. К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том первый// К. Маркс, Ф. Энгельс.; М. Эксмо, 2017 г. Собр. соч., изд. 2, т. 23.
40. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы VII - VIII". Том 2. отв. ред. В.М. Лебедев.
41. Лебедев, В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / В. М. Лебедев, В. А. Давыдов ; отв. ред. В. М. Лебедев. — 14-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2014 год.
42. Лебедева А.А. Способы совершения преступлений в сфере криптовалюты // Безопасность бизнеса. 2018. N 4. С. 46 - 48.
43. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности// Н.А.Лопашенко М.; Норма: ИНФРА-М, 2012 год.
44. Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс. Учебное пособие. — М.: Юрайт, 2020. 244 с.
45. М. Кейси Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок// М.; Манн, Иванов и Фербер, 2015 год.
46. Наемничество: уголовно-правовой и криминологические аспекты// Эбзеева З.А. ;М.Юрлитинформ, 2014 год.
47. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций.-6-е изд. — М.: Проспект. 2020. 784 с.
48. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества// А. В. Шульга; автореф. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Краснодар, 2009 год.
49. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров / М.В. Бубчикова, В.А. Давыдов, В.В. Ершов и др.; под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. М.: РГУП, 2017. 444 с.
50. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. — М.: Ленанд, 2016. 344 с.
51. Побегайло Э.Ф. Российское уголовное право: учебник в 2 т.// М.; Юрлитинформ.

52. Рарог А. И. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник для бакалавров. — М.: Проспект. 2020. 624 с.
53. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник. / под ред. Есакова Г.А. — М.: Проспект. 2020. 400 с.
54. Российское уголовное право общая и особенная часть // т.2 особенная часть М.; Юрлитинформ, 2014 год.
55. Сверчков В. В. Курс уголовного права. Общая часть. Учебник (комплект из 2 книг). / под ред. Томин В. Т. — М.: Юрайт. 2016. 854 с.
56. Ситник А.А. Правовое регулирование и контроль за обращением виртуальных валют в Японии// Законы России: опыт, анализ, практика. 2018 год. №7. – С. 84.
57. Скурко Е. В. Состязательный процесс. — М.: Юридический Центр, 2018. 66 с.
58. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. — М.: Проспект, 2019. 128 с.
59. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т.1. СПб. 1902 год.
60. Уголовное право России. Общая часть. Учебник для бакалавров. / под ред. Непомнящая Т. В., Гринберг М. С. — М.: Проспект. 2020. 448 с.
61. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. / под ред. Круковского В.Е., Чучаева А.И. -М.: Проспект, 2020. 352 с.
62. Уголовное право России. Общая часть. Учебник //СПб, Издательство СПбГУ, 2012 год.
63. Уголовный процесс. Учебник. / под ред. Булатов Б. Б., Баранов А. М. — М.: Юрайт, 2020. 568 с.
64. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник //СПб, Издательство СПбГУ, 2014 год.
65. Уголовный процесс. Учебник. В 2 частях. Часть 2. / под ред. Булатов Б. Б., Баранов А. М. — М.: Юрайт, 2017. 352 с.
66. Угольникова Н. В. Уголовный процесс. Учебное пособие. — М.:

Инфра-М, РИОР, 2016. 182 с.

67. Устинова А.В. Уголовный процесс в вопросах и ответах. Учебное пособие. — М.: Проспект, 2020. 128 с.

68. Ф. Мартин. Деньги: неофициальная биография// Ф. Мартин.; М. Синдбад. 2009 год.

69. Францифоров Ю. В. Манова Н. С., Уголовный процесс. Учебник и практикум. — М.: Юрайт, 2020. 422 с.

70. Шаталов А.С., Крымов А.А. Уголовный процесс. Практикум. — М.: Проспект, 2020. 320 с.

Электронные ресурсы

71. Генеральная Прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]: Новости Генеральной Прокуратуры: [сайт]. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-86432/> (дата обращения: 02.03.2021).

72. Закон.Ру [Электронный ресурс]: Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически-значимые особенности: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/13/bitcoin_osnovnye_principyu_i_otdelnye_yuridic_heskiznachimye_osobennosti (дата обращения: 01.05.2021).

73. Известия [Электронный ресурс]: Минфин подготовил закон об официальном запрете биткоинов: [сайт]. URL: <http://izvestia.ru/news/607066#ixzz43uHiUmKI> (дата обращения: 01.05.2021).

74. Вестник гражданского права [Электронный ресурс]: Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх: [сайт]. URL: <http://fan-5.ru/pass/pass-14318.php#2> (дата обращения: 10.05.2021).

75. Московский комсомолец [Электронный ресурс]: Задержаны «оборотни» из ФСБ, вымогавшие взятку биткоинами по делу Галумова [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/04/18/zaderzhany-oborotni-iz-fsb->

vymogavshie-vzyatku-bitkoinami-po-delu-galumova.html (дата обращения: 20.10.2020).

76. РБК [Электронный ресурс]: Ни слова о криптовалюте. Госдума приняла поправки о цифровых правах: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5c7e7c339a7947edc301cbc9> (дата обращения: 01.05.2021).

77. РИА Новости [Электронный ресурс]: Первичное публичное предложение акций (IPO): [сайт]. URL: <https://ria.ru/20100412/221429751.html> (дата обращения: 05.10.2020).

78. Комиссия по ценным бумагам США [Электронный ресурс]: Законы США о ценных бумагах могут применяться к предложениям, продажам и торговле интересами в виртуальных организациях: [сайт]. URL: <https://www.sec.gov/news/press-release/2017-131> (дата обращения: 05.10.2021).

79. Пресс-служба Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]: Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн: [сайт]. URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 05.12.2020).

80. Forbes [Электронный ресурс]: Доходы компаний, специализирующихся на разработке и продаже видеоигр, составляют миллиарды долларов: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/357631-sereznyie-zabavy-pochemu-videoigry-standovyatsya-populyarnnee-kino> (дата обращения: 10.05.2021).

81. Известия [Электронный ресурс]: Пирамиды другой формы: финансовые мошенники возвращаются в офлайн: [сайт]. URL: <https://iz.ru/876051/anna-kaledina/piramidy-drugoi-formy-finansovye-moshenniki-vozvraschajutsia-v-oflain> (дата обращения : 23.09.2021).

82. BitNovosti [Электронный ресурс]: Полиция России возбудила первое уголовное дело против директора WEX [сайт]. URL:

<https://bitnovosti.com/2018/12/13/politsiya-rossii-vozbudila-pervoe-ugolovnoe-delo-protiv-direktora-wex/> (дата обращения : 01.09.2021).

83. WEX [Электронный ресурс]: Пользовательское соглашение WORLD EXCHANGE SERVICES PTE LTD. [сайт]. URL: <https://wex.kayako.com/ru/article/125-polzovatelskoe-soglashenie> (дата обращения : 25.04.2021).

84. Российская газета [Электронный ресурс]: У россиян в Таиланде похитили биткоины на сто тысяч долларов [сайт]. URL: <https://rg.ru/2018/01/18/u-rossiian-v-tailande-pohitili-bitkoiny-na-sto-tysiach-dollarov.html> (дата обращения : 25.07.2021).

85. BitInfoCharts [Электронный ресурс]: Биткоин (BTC) цены и статистика [сайт]. URL: <https://bitinfocharts.com/ru/bitcoin/>